

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Семинар «Россия в историческом и мировом
пространстве»

**Механизмы взаимодействия
цивилизаций:
прошлое, настоящее, будущее**

*Материалы
постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 7

Москва
Научный эксперт
2009

УДК 008:001(066)

ББК 71.05

М 55

Научный руководитель семинара: А.И. Неклесса

Соруководитель семинара: С.С. Сулакшин

Научно-редакционный совет:

В.И. Якунин (председатель), В.Э. Багдасарян,

А.И. Неклесса, А.И. Соловьев, С.С. Сулакшин

М 55 Механизмы взаимодействия цивилизаций: прошлое, настоящее, будущее. Материалы научного семинара. Вып. № 7. М.: Научный эксперт, 2009. — 80 с.

ISBN 978-5-91290-089-1

УДК 008:001(066)

ББК 71.05

ISBN 978-5-91290-089-1

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования, 2009

Содержание

<i>А.И. Неклесса.</i> Вступительное слово научного руководителя семинара.....	4
Тема семинара	
Механизмы взаимодействия цивилизаций: прошлое, настоящее, будущее	6
Доклад	
<i>Г.Э. Афанасьев.</i> Управление развитием — основной механизм невоенного взаимодействия цивилизаций	6
Вопросы к докладчику и ответы	25
Выступления	37
<i>В.М. Межуев.</i> Россия в поиске своей цивилизационной идентичности.....	37
<i>С.С. Сулакишин.</i> От различия цивилизаций — к их конвергенции	45
<i>А.В. Шубин.</i> К исследованию цивилизационных особенностей: нациогенез, экспорт смыслов, резонансы и прогресс	51
<i>А.В. Бузгалин.</i> Военные и невоенные методы решения геополитических проблем: ограниченность цивилизационного подхода (некоторые ремарки)	57
<i>А.Н. Окара.</i> В России проблема цивилизационной идентичности подменяется разговорами об особом пути	61
<i>Д.С. Чернавский.</i> Не считаю, что логическое мышление выше интуитивного	63
<i>А.И. Соловьев.</i> Цивилизация — шкатулка смыслов	65
<i>А.И. Неклесса.</i> По всей вероятности, нас ожидает период хаотизации социальной организации.....	68
Заключительное слово докладчика	73
Тематическая программа научного семинара	75
Список участников семинара	76

Вступительное слово научного руководителя семинара

А.И. Неклесса

Уважаемые коллеги, позвольте открыть очередное заседание нашего семинара. Тема, как мне кажется, весьма интересная — *«Механизмы взаимодействия цивилизаций: прошлое, настоящее, будущее»*. Докладчик сегодня также интересный — руководитель Экспертного клуба промышленности и энергетики Георгий Эдгардович Афанасьев. Тема его доклада — *«Управление развитием и основной механизм невоенного взаимодействия цивилизаций»*.

К сожалению, одна из «российских болезней» — повторное, многословное обсуждение одних и тех же вопросов, чему основой слишком часто является излишне эмоциональное отношение к обсуждаемому предмету, а не последовательное уточнение позиций.

Что я хочу сказать данной ремаркой? Существуют категории, которые получили устойчивое содержание, хотя подчас — как это обстоит с обсуждаемым объектом — содержание это имеет различные формулировки. Действительно, категория цивилизации толкуется двояким образом, но оба толкования достаточно укоренены и разработаны. Мы уже неоднократно обсуждали эту проблему. Соответственно, мне хотелось бы, чтобы дискуссия сегодня шла не по вопросу, чем является «цивилизация», а — определив, в какой версии выступающий трактует данный феномен — основное содержание предстоящих выступлений было бы все-таки посвящено *механизмам взаимодействия*. Тем более что формулировка темы заседания и, тем более, доклада предполагает трактовку цивилизации как культурно-исторического круга.

Проблематизация же перспектив взаимодействия влиятельных культурно-исторических геномов в мире XXI в.

востребована временем. Здесь есть много о чем поговорить: скажем, насколько различные культуры являются полноправными партнерами не в смысле своего правового положения, а политического и цивилизационного статуса. Или как совместить различные, порою весьма различные системы ценностей в условиях глобализирующегося, трансграничного и мультикультурного сообщества. По-моему, это одна из серьезнейших проблем.

А теперь позвольте передать слово Георгию Эдгардовичу Афанасьеву.

Тема семинара

Механизмы взаимодействия цивилизаций:
прошлое, настоящее, будущее

Доклад

Управление развитием — основной механизм
невоенного взаимодействия цивилизаций

*Г.Э. Афанасьев,
руководитель Экспертного клуба
промышленности и энергетики*

Кроме традиционных форм библиографических исследований, чтения предшественников, размышлявших над темой взаимодействия цивилизаций, и дискуссий в данном исследовании использовался метод наблюдения. Найти способ наблюдения взаимодействие цивилизаций — чрезвычайно сложная задача, поскольку события занимают большие временные промежутки, а если где-то и интенсифицируются, то, чаще всего, мы понимаем это уже ретроспективно. Однако проект «100 стран», реализуемый автором доклада, оказал большую помощь при подготовке. Суть проекта состоит в изучении методом погружения предпочитаемого будущего в ста странах мира. И хотя сам проект находится только на половине пути (его завершение планируется в 2016 г.), личные впечатления были той энергией, которая мотивировала перечитывать теоретические, философские и исторические работы по вопросу взаимодействия цивилизаций.

Посещение некоторых исторических объектов дает представление о состоявшихся процессах цивилизационных обменов, захватов, войн, развитии и проектах управления развитием. Неминуемо приходилось обращаться, с одной стороны, к каким-то историческим объектам, которые на территории разных стран остались; с другой стороны — сталкиваться со сложившейся и функционирующей системой культуры, быта, что иногда поражало. Это некий второй элемент, который мотивировал меня размышлять над этой темой. Могу сказать, какие-то вещи достаточно ярко видятся через книги; но, только ощупав стены Айя-Софии, можно сделать некоторые выводы о том, что это была за культура, и как она функционировала. Когда понимаешь, что вот есть Айя-София, окруженная четырьмя минаретами, которые пристроены к ней, рядом построена Голубая мечеть, которая должна была бы быть ответом одной цивилизации — другой, демонстрацией превосходства. При этом понимаешь, что строение, которое называется Софийский собор, построено практически без внутренних перекрытий. Это и сегодня — сложное инженерное сооружение. А здание — цивилизационный ответ — построено колонным способом. Это немного большее сооружение, но устроено оно совершенно иначе — свод поддерживается лесом колонн. Можно вспомнить и другие случаи, когда из камней языческого капища строился храм Зевса. На его фундаменте — христианская церковь. Церковь переделывали в мечеть, где много десятилетий продолжали вести христианские богослужения; и до сих пор там находится часовня Иоанна.

Мы наследуем проекты других цивилизаций в виде городов и сооружений, но иногда не понимаем способа действия, который остается в виде материального следа. По этому пути идут многие; можно присоединиться к людям, которые не могут объяснить технологий строительства пирамид и других известных объектов. Гораздо более удивительно, что иногда мы не понимаем и назначения сооружений: непоня-

тен не способ их создания, а цель трудоемкого и затратного строительства. Я имею в виду 25 000 дольменов, разбросанных по Кавказу. Это строения, для которых невозможно представить разумный способ использования.

Метод погружения, включенного исследования технологических, философских, политических, исторических вопросов используется сейчас не только в форме большой личной программы поездок по мировым центрам. В 2009–2010 гг. мы проводим конкурс исследовательских программ, которые основаны на методе включенного исследования. В 2010 г. Экспертный клуб промышленности и энергетики организует несколько таких программ, в том числе — исследование систем городского водного транспорта и детских научно-технических центров. В общей сложности планируется довести список тем исследований до 60.

Теперь остановимся на терминологии. Я проделал реконструкционную работу — в основном, для себя. В отличие от многих других понятий, понятие «цивилизация» не являлось для меня рабочим. Сама задача подготовки доклада для данного семинара выявила необходимость оценки того, с чем мы имеем дело, на что указывает эта категория «цивилизация», как она появилась.

Хотелось бы и для себя, и для коллег напомнить, что терминология предложена была французскими просвещенцами, конечно, неся в себе весь заряд той идеологии, которая выражалась, в частности, Мирабо. В своей работе «Друг людей» он ввел этот термин. И, безусловно, способ введения нес на себе совершенно другие коннотации, от которых впоследствии цивилизация регулярно начинала очищаться. Весь запал, который был, состоял в гражданском обществе, справедливости, праве. Это передавалось вместе с идеологическими рамками, которые несло французское движение Просвещение. Последующее использование — это эволюция данного понятия в сторону фиксации развитости и отличий в переустройстве материального мира, специфики освоения

пространства. Тренд с эту сторону четко наблюдается после 1756 г., когда условно этот термин был введен в оборот. Если посмотреть на первые использования, они будут иметь характер периодизации.

По Л. Моргану, цивилизация это — стадия общественно-го развития, следующая за варварством. «Цивилизация — ступень общественного развития материальной и духовной культуры, связанная с разделением труда, рационализацией производства». Брокгауз и Эфрон определяют цивилизацию так: «Цивилизация, *франц.*, совокупность признаков общественного и политического уклада и духовного развития, отличающих высокую степень развития человеческого общества от первобытного состояния». Фурье разработал идею четырех фаз человеческой истории — «райская» (эдемизм), дикость, варварство и цивилизация. Понятно, что мотивы введения такой периодизации носили, с одной стороны, характер рефлексии в условиях достаточно религиозного сознания, а с другой стороны, это широкий, серьезный период колонизационной работы, которая обосновывала и мотивировала эту периодизацию относить к территориям и народам, которые осваивались этим большим, колонизационным походом европейцев. Понятно, что здесь — размещение цивилизации как последнего этапа с приписыванием его исключительно европейской цивилизации и с некоторой задачей прогрессорства, задачей привидения других народов в соответствие с этим состоянием.

Но, кроме этапной схемы введения цивилизации, достаточно распространилось и описание различных цивилизаций — древнегреческой, древнеегипетской. В этом случае цивилизация характеризуется через пространственно-временную определенность и отличность от других обществ.

В понятийном анализе я не могу удовлетвориться определением описательного характера, вроде «цивилизация — это...». Я принимаю прием выделения семейства понятий,

внутри которых исследуемое понятие приобретает свой функционал. Такой родственной группой понятий для цивилизации являются понятия универсума, ойкумены, империи, мира, сферы.

Универсум можно кратко охарактеризовать через его целостность. Ойкумена же не является целостной и ограничивается освоенной человеком частью универсума. Ойкумена¹ — Эйкумена (*греч.* oikuméne, от oikéō — обитаю, населяю) это обитаемый мир — мир, населенный людьми или постоянно посещаемый. На английский, с его прямотой, ойкумена переводится как «populated universe».

Империи представляют более узкое, по сравнению с освоенной человеком территорией (ойкуменой), понятие; империя задается через представление об управляемой части территории. Именно возможность управлять задает и поддерживает границы империй (и более узко — любых государств). Как только способность управляющего влияния на территорию снижается и прекращается, с государством происходят корректирующие преобразования — распад или поглощение. Понятие сферы деятельности задает границы мыслимого мира, охваченного мышлением, его понятийно-категориальным аппаратом и процедурами содержательных логик. То, что не ухватывается мышлением, не попадает в сферы деятельности. И, наконец, **цивилизация задает границы преобразованного мира, территории в которой человек не столько стал пользоваться природными процессами, сколько поставил их себе на службу за счет инженерных, ландшафтных преобразований, созданием средств и способов деятельности, которые вносят изменения в ландшафтно-биоценозные системы.** Именно поэтому в периодизационном подходе об эпохе цивилизации говорят

¹ Ойкумена — термин, употребляемый для обозначения населенной человеком части земли. Впервые описание ойкумены встречается у Гекатея Милетского, включавшего в понятие ойкумену Европу (кроме Северной). — БСЭ.

как о периоде, следующем за эпохой варварства, понимаемого как максимально адаптированное к природной среде и ее процессам общество. Таких обществ, как племена охотников и собирателей, где урожайность и сезонность естественным образом регулировали как численность, так и ареалы обитания и миграций человеческих сообществ.

Суммируя сказанное, я помещаю понятие «цивилизации» в семейство других понятий, таких как универсум, ойкумена, империя, мир, сфера деятельности и собственно цивилизация.

- Универсум (Целостный мир).
- Ойкумена (населенная человеком часть земли, обитаемый мир).
- Империя (границы управляемого мира).
- Сфера (границы мыслимого мира).
- Цивилизация (границы преобразованного мира).

На этом основании можно сказать, что все городские культуры, все территории, освоенные сельскохозяйственным образом, — это цивилизованный мир. Это действительно так, но важно понимать, что границы цивилизации гораздо уже, чем границы государства-империи и, по крайней мере, точно не совпадают с этими границами.

Чтобы не было ложного представления о масштабах цивилизационного освоения пространства, приведем примеры: Китай, Япония сосредотачивают все население и основные производственные активы в узких полосках вдоль восточных побережий. Остальная территория представляет очаговое освоение в Китае и практически безжизненное пространство — в Японии. Такое распределение освоенных земель не исключительно, оно характерно практически для любой страны. Мы по-прежнему живем в очагах цивилизации, окруженные неосвоенным миром.

Говоря ранее об ойкумене, мы характеризовали ее как освоенную человеком территорию. Со времен Древней Греции, в которой было введено понятие ойкумены, человек сделал попытки ее расширить до околоземной орбиты, Луны,

подводных шельфовых пространств. Из географических пространств, стоящих в очереди на освоение, — океанические территории под проект плавающих городов, подземные пространства и солнечная система. Хотя, говоря о возможностях и задачах освоения территорий, нужно отметить, что практически все страны имеют очень ассиметричную структуру пространства — плотные территории проживания и заброшенные или ранее никогда не заселенные пространства. Это верно и для США, и Японии, и Китая, в Европе есть заброшенные города — например, во Франции. По разным оценкам, в России в транспортной недоступности находится 60–75% территории. Это значит, что нельзя до них доехать на поезде, автобусом, а до некоторых территорий часто нельзя даже просто физически дойти из-за отсутствия дорог. В то же время, данная территория не включается в хозяйственный оборот, и наличные потенциальные запасы лесов, природных ресурсов не используются. Исключением из этого правила является доставка туда необходимых вещей достаточно дорогим сегодня вертолетным транспортом. Таким образом, около половины территории транспортно недоступна, но еще большая часть страны находится в относительной недоступности по экономическим критериям.

Кроме того, в ряде эсхатологических сценариев основным фактором может быть подъем уровня Мирового океана. Этот сценарий напоминает, что 80–85% населения мира живет на побережье. И без глобального изменения климата некоторые территории находятся ниже уровня моря, как, например, в той же Голландии — из-за осушения болот, которое производилось на протяжении нескольких веков огромными ветряными башнями, выполняющими функции насосов. Платой за создание пригодных для сельского хозяйства земель явилось то, что территория находится на 4 м ниже уровня моря. При значительном изменении уровня океанов и морей могут произойти существенные изменения в расселении народов и государственном могуществе, опирающемся на освоенные и

обжитые территории. Это не будет первым катаклизмом такого рода: историки, анализируя затопленные города, находящиеся сегодня у побережья на глубине 10–25 м, приходят к выводу, что их погружение под воду произошло в пределах жизни одного поколения, на протяжении максимум 100 лет.

До сих пор сложилось не так уж много форм межцивилизационного взаимодействия. В числе первых нужно назвать войну и торговлю. Кроме того, важной формой взаимодействия цивилизаций стал возрождающийся или приобретающий новые формы институт путешествий и его современная массовая форма — туризм. Еще один тип взаимодействия строится за счет проходящего на протяжении последних ста лет поиска форм глобального надзирающего и управляющего органа. Следуя традиции, назовем этот формируемый институт мировым правительством и укажем на него как на новый тип взаимодействия цивилизаций.

Война — самая ясная и очевидная модель для рассмотрения всех цивилизационных взаимодействий. Наиболее понятные схемы цивилизационного устройства мира дают именно те исследователи, которые ориентируются на картину мира, сложившуюся в результате военных конфликтов и столкновений. Вся история — как отдаленная, так и близкая — обладает большим числом примеров военных столкновений. В прошлом потенциал эскалации столкновений между различными цивилизационными группами использовался на полную мощность. История дает нам примеры, когда одна цивилизация уничтожала другую, бросив в бой всего несколько сотен человек². Источником этой победы является

² Ацтекская цивилизация была уничтожена экспедицией под предводительством Кортеса (1485–1547). В его распоряжении было одиннадцать кораблей, четыре сотни европейцев, двести индейцев, шестнадцать лошадей и четырнадцать орудий. Но в Юкатане к ним прибился бродяга-испанец, который был пленником индейцев несколько лет, более или менее владел несколькими индейскими языками и знал, что властью ацтеков тяготеют многие их подданные — такие же племена индейцев. Именно при их поддержке Кортес прошел через горы в долину Мехико (1519). Как

особая система образования и трансляции знания. Испанская империя могла позволить себе удерживать систему подготовки профессиональных солдат, не занятых никаким производительным трудом. Конкистадоры с юности носили при себе оружие; все благородные люди Испании обязаны были иметь при себе оружие практически постоянно, они были профессиональными военными. Кроме того, испанцы создали уникально хорошо отлаженную систему распространения знания. Писсаро — уже 12 лет спустя после Кортеса — носил с собой, как справочник, книгу с подробным описанием всех приемов ведения войны с местным населением, применяемых Кортесом, и разбором кампаний и отдельных боев.

Независимо от числа задействованных участников, в войне не решается вопрос о праве на мир, в войне решается вопрос о цивилизационном приоритете. А. Тойнби ввел специальный термин «неродившаяся цивилизация» для завоеванных и поглощенных обществ. Разумеется, не все войны идут между цивилизациями, войны могут быть межцивилизационные и внутри-цивилизационные. Тот же Тойнби считал, что межцивилизационные конфликты более жестокие; но можно заметить, что народы, близкие по языку и по территориальному проживанию, все более отдаляются друг от друга, становясь все непримиримей.

только он вступил в Мехико, вождь Монтесума был убит своим же народом в угоду испанцам. Как Кортес был осажден в Мехико и бежал, потеряв свои пушки и лошадей, и как после ужасающего отступления к победе он смог вернуться и покорить всю страну — эту романтическую и захватывающую историю мы даже не станем пытаться здесь пересказать. Население Мексики и поныне в большинстве своем состоит из потомков индейцев, но испанский язык вытеснил местные языки, и та культура, которая существует в этих краях, является католической и испанской. Еще более любопытное государство инков стало добычей еще одного искателя приключений — Писарро. Он отплыл от Панамского перешейка в 1530 г. с экспедицией в 180 испанцев. Как и Кортес в Мексике, он воспользовался разногласиями местных жителей, чтобы прибрать к рукам обремененное государство. — *Уэльс Г.* Очерки истории цивилизации.

Оказавший большое влияние на представления о цивилизации Самюэль Хантингтон³, долгое время работая фактически на Министерство обороны, по цивилизационному вопросу имел вполне понятную практику для рефлексии и анализа. Концепция столкновения цивилизаций была неминуемым следствием его занятий. Но он подметил важное изменение, которое состояло в том, что в новом мире главные источники конфликтов будут определяться культурой, а не идеологией или экономикой, и войны будут происходить на «культурных рубежах». Он же ввел аналогичный подход к классификации стран, исходя из принадлежности страны к той или иной культуре и цивилизации, а не деля мир на три части по уровню промышленно-экономического развития («разделение на страны “первого” (Запад), “второго” (социалистический лагерь) и “третьего” мира больше не отвечает современной социальной реальности»).

По Хантингтону, в современном мире происходит столкновение 7–8 цивилизаций: китайской, японской, индуистской, исламской, православной, западной, латиноамериканской и, возможно, африканской. Общие претензии этих цивилизаций заявляются на оставшийся мир, а борьба состоит в распространении своей культуры любыми, в том числе военными, средствами.

Основа претензий — это уверенность в универсальности своих ценностей и уверенность в их способность объединить человечество. Цивилизационная идентичность, по мнению Хантингтона, будет определять в будущем самые важные вопросы. А на вопрос «как же определить границы этих цивилизаций?» Сэмюэль отвечал, что каждый сам знает, к какой цивилизации он принадлежит.

Древним, но осовремененным — с появлением новой транспортной системы и новой системы занятости, позволя-

³ Хантингтон Филлипс Сэмюэль (Huntington, Samuel P.) (род. 1927) — американский политолог, создатель геополитической концепции «столкновения цивилизаций».

ющей не только самым богатым людям выделять достаточно свободного времени, — способом взаимодействия цивилизаций является путешествие. Сегодня эта практика становится организованной формой деятельности и приобретает массовый характер. Современная форма путешествия — туризм. Если первоначально в путешествии преобладали цели открытия новых территорий, перемещение с торговыми, дипломатическими, военными, религиозными миссиями, то сегодня в рамки путешествия с целью познания мира включается рекреационная, реабилитационная, образовательная и развлекательная компоненты.

Согласно данным Всемирной туристской организации, в 2007 г. число только международных туристских поездок составило около 900 млн (в 2004 г. — 766 млн). В 2005 г. на Европу пришлось 444 млн прибытий, на страны Азиатско-Тихоокеанского региона — 156 млн, на Северную и Южную Америки — 133 млн, на прочие регионы — 75 млн. Для сравнения, внутренние дальние перевозки в РЖД в России составили за первое полугодие 2009 г. — 57,2 млн человек. Но более показательной, конечно, может быть статистика внешних туристических поездок россиян. Такая статистика в моем распоряжении есть только до 2007 г. По данным Федеральной пограничной службы, в 2003 г. с туристскими целями из России выезжали 5,7 млн человек, в 2004 г. — 6,6 млн человек, в 2005 г. — 6,78 млн человек, в 2006 г. — 7,75 млн человек.

Для оценки этого направления межцивилизационного взаимодействия уже давно в мире вводится показатель — **«туристский баланс страны»**; правда он носит характер экономической оценки. Но и это дает представление о месте разных территорий в мировых процессах перемещения. Рассчитывается туристский баланс как отношение между стоимостью товаров и услуг, реализованных иностранцам в данной стране, и стоимостью товаров и услуг, реализованных гражданам данной страны за рубежом. Если сальдо туристского баланса положительное, то говорят, что для экономики

этой страны туризм активный (Таиланд, Швейцария); если отрицательное — пассивный (Германия, Россия).

Если говорить о будущем, то в этой области ожидаются серьезные изменения. Согласно прогнозу ВТО, в XXI в. ожидается туристский бум: число путешественников в мире к 2020 г. приблизится к 1,6 млрд. На конференции ВТО в Лиссабоне по результатам исследования «Tourism: 2020 Vision» провозглашены пять перспективных туристских направлений XXI века:

- приключенческий туризм;
- круизы⁴;
- экотуризм;
- культурно-познавательный туризм;
- тематический туризм.

Таблица

**Прогноз самых популярных туристских направлений
к 2020 г.**

Страна	Количество туристских прибытий, млн	Доля на мировом туристском рынке, %	Динамика роста 1995–2020 гг., %
Китай	137,1	8,6	8,0
США	102,4	6,4	3,5
Франция	93,3	5,8	1,8
Испания	71,0	4,4	2,4
Гонконг	59,3	3,7	7,3
Италия	52,9	3,3	2,2
Великобритания	52,8	3,3	3,0
Мексика	48,9	3,1	3,6

⁴ В 1997 г. на круизных судах по морскими и речным маршрутам путешествовали около 7 млн человек. В мире строится 42 восьмипалубных круизных судна водоизмещением 250 тыс. тонн и вместимостью до 6200 пассажиров каждое. По сути, это небольшие города, перемещающиеся по океанам и морям.

Продолжение таблицы

Страна	Количество туристских прибытий, млн	Доля на мировом туристском рынке, %	Динамика роста 1995–2020 гг., %
Россия	47,1	2,9	6,7
Чешская Республика	44,0	2,7	4,0
Всего	708,8	44,2	-

В прогнозе ВТО (см. табл.) не обойдена и Россия — ее потенциал оценивается в 47,1 млн прибытий иностранных туристов с общей долей на мировом туристском рынке в 2,9%. Россия, население которой получило возможность массовых выездов за рубеж только в 1990 г., поставит на международный рынок 30 млн туристов к 2020 г.⁵

Важным полигоном для построения и интеллектуальной отработки типов взаимодействия цивилизаций всегда была фантастическая литература. Герберт Уэллс, широко известный исключительно как фантаст, автор романов «Машина времени», «Война миров», является создателем большого историографического труда по цивилизациям общим объемом более 500 страниц. Он пишет в книге «Очерки истории цивилизации»: «культивация земель — это еще не цивилизация. Цивилизация — это нечто большее, чем эпизодическое выращивание пшеницы при благоприятных условиях, это, прежде всего, заселение территории, где земли постоянно возделываются и орошаются, где люди живут в домах по общему для всех закону, в общем городе или крепости». Более того, можно смело предположить, что популярный роман «Война миров» есть художественная рефлексия над анализом исторических материалов о Кортесе и Писсаро (и сам по

⁵ Квартальнов В.А. Туризм. Гл. 17. Перспективы развития мирового туристского рынка. § 1. Прогнозы развития международного туризма.

себе мотив победы с опорой на инфекционные заболевания взят просто из исторических хроник, только в них от эпидемий погибали захватываемые народы Южной Америки, а не захватчики). И роман «Машина времени» является размышлением над идеей прогресса и регресса, поиском причин падения некогда великих цивилизаций. Для него было необъяснимо, почему исчезли цивилизации, оставившие сложнейшие конструкции, воспроизведение которых труднореализуемо или даже невозможно при использовании современной технологии.

Шпенглер продолжает эту тему, противопоставляя культуру цивилизации и утверждая, что каждая культура, исчерпывая свои внутренние творческие возможности, мертвеет и переходит в фазу цивилизации. Собственно, не давая ответа на вопрос об источниках упадка, сама цивилизация обозначается как этап упадка, а не возрастания. «Цивилизация» для Шпенглера означает кризисный исход, завершение любой культуры. Это утверждение породило волну критики, которая и до сих пор процветает, например, через анализ проблем здоровья. В этой критике постулируется, что вместе с цивилизацией и ее преимуществами были изменены условия жизни человека, приведшие к появлению феномена болезней цивилизации — широко распространенных среди населения промышленно развитых стран заболеваний (гипертония, ишемическая болезнь сердца, диабет, неврозы, психические расстройства и др.).

Другой мыслитель, имеющий большое публицистическое и научное наследие — и так же как и Уэллс известный преимущественно как фантаст, — Станислав Лем. Он занимался выдвиганием ряда принципиальных условий выживания человечества в 3–4-ом тысячелетиях. Человеческая цивилизация должна преодолеть противостояния и геополитические соперничества. Согласно Лему, цивилизация — это особое состояние общества, в отличие от бытия биологического вида. Но для Лема это распространяется не только на земное

общество. Он сформулировал несколько знаменитых принципов:

1. Человек, осваивая космос, всегда будет сталкиваться там с Непостижимым.
2. Возникновение разума в Космосе закономерно.
3. Инженерный потенциал мыслящих существ безграничен.
4. Также безгранична множественность путей эволюции цивилизаций Вселенной.

Для человека на Земле вопрос стоит не только в развитии, но и в поиске путей выживания. Астробиологические исследования направлены на выяснение условий существования внеземных цивилизаций. При всей разнице мнений есть сходство в одном: если мы имеем дело с такой численностью звездных систем, то «численность подобных цивилизаций с уровнем, более высоким, чем на Земле, оценивается на основе различных (иногда в значительной мере произвольных) предположений в пределах, примерно, от тысячи до сотен миллионов».

Новой платформой цивилизационного взаимодействия является всемирное правительство. «Только всемирная власть способна создать всемирную цивилизацию» (Хантингтон). Институты и признаки мирового правительства можно увидеть уже сейчас: это, в частности, принятые протоколы по общемировым ресурсам — воздуху, пресной воде, океану, Антарктиде, мировым лесам.

Но мировое правительство как платформа требует особого содержания для своей деятельности. В лучшем, на мой взгляд, случае это содержание — работа с системными мировыми проблемами. Я считаю, что сценарии взаимодействия цивилизаций могут делиться на позитивные и негативные. Сегодня позитивные сценарии связаны, в первую очередь, с совместным решением сложных, несоразмерных ни одному отдельно взятому государству задач и поиском способов преодоления системных проблем. В этом случае одной из важных составляющих управления развитием становится

проблематизация, которая отвечает за смену целей, за возобновление целепологания.

По сути, цивилизационное взаимодействие может быть понято через конкуренцию и сотрудничество в решении мировых проблем. Конкуренцию за решение проблем мотивационного плана и сотрудничество в решении проблем «эсхатологического» плана. Например, проблема голода в этой классификации носит мотивационный характер, а проблемы предотвращения смертоносных пандемий связаны с существованием самой жизни и угрозой ее исчезновения. Цивилизации начинают конкуренцию с формулировки проблемы на своем языке, в своем понятийно-категориальном аппарате, развивая терминологию, системы представлений. В первую очередь это должна быть постановка проблемы на своем языке. Но поставленная проблема должна затрагивать весь мир. Очевидно, что если проблема ставится про себя, то, в общем-то, ничего, кроме жалости, у других это вызвать не может. Нужно признать, что некоторые постановки проблем сложно или почти непереводимы на другие языки без серьезного развития философско-логического аппарата цивилизации реципиента. Решение проблемы — это не кабинетная работа. Без инфраструктурных, институциональных, идеологических изменений нельзя говорить о поиске решения проблемы. И на этом пути цивилизации могут производить «сдвиги в проблематике» по примеру, предложенному Лакатосом⁶ для научных программ.

⁶ «Лакатос вводит представления о двух возможных сдвигах проблем — “прогрессивный сдвиг проблемы” и “регрессивный сдвиг проблемы”. Причем место проблемы, а вернее, прогрессивного сдвига проблемы, очерчивается очень точно, именно это становится критерием жизнеспособности исследовательской программы и заложенных в нее идей. Прогрессивный сдвиг проблемы задается как увеличение содержания как теоретического, так и эмпирического и, следовательно, можно разделить прогрессивный теоретический и прогрессивный эмпирический сдвиг проблемы. Именно несоблюдение принципа увеличения содержания является основанием для отказа от программы, основанием для разруше-

Нужно отметить, что если для научных исследований в первую очередь имеет значение понятие «истинность», то социореформаторский подход опирается на понятие «реализуемость». Истинность и реализуемость по-разному структурируют и понимание, и деятельность. Для науки в проблеме видится энергетика «аномалий» и «контрпримеров», «экспериментальных опровержений» теоретических положений. И эти аномалии должны быть устранены в новых непротиворечивых теориях. Для социореформаторства проблема в том, что стимулирует новые проектные ходы и стимулирует реализацию их в новых социокультурных образованиях.

Проблемная форма достаточно традиционно связывается с агональными формами активности⁷.

Есть старая мысль, что двое дерущихся могут объединиться перед лицом третьей силы, которая угрожает им обоим. Проблемная⁸ ситуация характеризуется отсутствием эффективных положительных исходов, и именно проблемная ситуация является этим третьим, в борьбе с которым могут объединиться разные цивилизации.

ния ее ядра, элиминации заложенных в нее идей. Для науки, по Лакатосу, важнейшим положением является установление рангов предпочтения между «принципом истинности» и «прогрессивным сдвигом проблем». Идеологически объявлено о приоритете принципа истинности и принципа избегания противоречивости в основаниях теории или, тем более, программы». Афанасьев, текст диссертационного исследования, 1995 г.

⁷ И. Хейзинга дал игровую трактовку проблематизации: "Если рассматривать типичный продукт софиста, а именно, софизм. Софизм вплотную примыкает к загадке. Это фехтовальный прием. В слове "problema" содержится два начальных значения: нечто, с помощью чего кто-либо хочет себя защитить, ставя или держа... перед собой, например, щит, и нечто, что бросают другому, с тем, чтобы тот это принял. Вопросы и аргументы софиста сплошь и рядом суть *problemata* (проблемы) в самом собственном смысле слова".

⁸ Проблемы / Προβλήματα / *Problemata*. Проблему определяют через осознание субъектом невозможности разрешить трудности и противоречия, возникшие в данной ситуации, средствами наличного знания и опыта.

Вопреки бытовому смыслу «проблемного взаимодействия» — как конфликтного, включающего в себя споры, противостояние, борьбу, — именно проблемного взаимодействия (в смысле постановки и решения общих проблем) является единственным триггером, переключающим из конфликтных сценариев в сценарии сотрудничества. Проблемы отвечают не только за смену целей, проблемы объединяют гетероорганизованности. Если мы посмотрим на весь наш интеллектуально-мыслительный аппарат, то увидим, что именно проблемы по своей сути создавались, чтобы объединять гетерогенные организованности. Видимо, в этом направлении может формироваться новый подход — управление развитием, в котором заложен ценностный потенциал полезного развития. За многие предшествующие опыты запуска процессов развития накопился анализ «неконтролируемых последствий деятельности». Представление о проблеме сложилось из опыта описания проблем как затруднений и разрывов в деятельности. Для деятельностных структур характерным является целевая и продуктно-результативная организация; при этом возникают постоянные расхождения между планируемым и реальным результатами. Кроме отклонений от запланированных результатов есть особые образования, названные неконтролируемыми результатами и побочными результатами, т. е. такими результатами, появление которых не только не фиксировали в целях, но и не прогнозировали. Неконтролируемость последствий проективной активности, постоянства расхождения сформулированных целей и полученного результата, самоосуществления прогнозов. И начинает формулировать кодекс перспективной экологии, состоящий в создании запретов и ограничений на применение проектных методов. Поэтому в ядро новой практики «управления развитием» вводится проблематизация как основная процедура. При этом мы учитываем, что социокультурные проблемы таковы, что в них нельзя быть более правым, чем оппонент или оппоненты. Таким образом,

правильно выстроенная проблема становится единственной знаково-знаниевой организованностью, являющейся как бы площадкой для взаиморефлексии различных деятельностей и подсистем универсума деятельности и, в контексте нашего сообщения, взаимодействия цивилизаций. Главный мотив для того, чтобы внимательно разбираться с проблемным методом взаимодействия — это глубокая надежда на то, что именно этот тип взаимодействия — и, возможно, вообще только он — ведет к невоенному типу межцивилизационных взаимодействий.

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Ключевые понятия в заявленной теме — это цивилизации как субъекты взаимодействия и собственно взаимодействие. Можно ли указать набор — избыточный, предположительный или фактический — видов, типов, содержательных характеристик этого самого взаимодействия? Один тип прозвучал — это война. Все-таки, *какие* это типы взаимодействий?

Ответ:

Я считаю, что есть три типа взаимодействий и четвертый, который отрабатывается сейчас, — это война, торговля и путешествие этот тип, который я бы назвал довольно массовым, это путешествие, включая современную форму — туризм. Сегодня, и я привожу здесь соответствующую статистику, мы имеем новый этап перемещения народов только временные, с возвращением на свою территорию. Это небывалые типы перемещения. Понятно, что при этом происходит целый ряд столкновений, встреч и взаимодействий. Четвертый тип, я считаю, условно можно было бы назвать Мировым правительством, работой над общими проблемами. Поиск в этой области идет давно, Лига наций создавалась с этой целью, Организация Объединенных Наций вслед за несостоявшейся Лигой наций была местом отработки этой формы. Поиск, видимо, будет продолжаться дальше. Я бы хотел обратить внимание не на форму, в которой это делается, а на основной инструментарий. Это постановка проблем, которые касаются всех стран (например, вопросы изменения климата и Киотский протокол как способ их решения). После постановки проблемы и принятия протокола вдруг выясняется, что старые машины АвтоВАЗа не могут заезжать на территорию Европы, потому что не соответствуют нормам выбросов. И завод, находящийся во внутренних территориях огромной страны, не имеющий соприкосновения с грани-

цами — вынужден учитывать такие протокольные решения и перестраивать свое производство. Вот и взаимодействие цивилизаций. Совершенно очевидно, что нас ожидает еще целый ряд протоколов, которые в первую очередь будут касаться правил обмена квалификациями, протоколов по использованию воды. Я был участником первого саммита по воде, и могу сказать, что готовится примерно похожий на Киотский протокол, только по использованию воды. А точнее даже по производству воды — т. к. к этому ресурсу более адекватно применять термин производство, чем добыча.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Я, как бывший физик, модель взаимодействия представлю на языке некоторого физического взаимодействия, некоторого обмена: скажем, столкнулись два стальных шарика, один другому передает импульс движения и микрочастицы при контакте поверхностей. Произошел какой-то обмен. А чем обмениваются цивилизации в своих актах взаимодействия?

Ответ:

Главное, посредством чего происходит обмен именно в цивилизациях, — это смыслы, потому что главное, что несет в себе цивилизация — это ответ на ключевой вопрос: «зачем жить?». На него все отвечают по-разному. Ответ японца будет иной, нежели ответ нижегородца. А второй момент — это обмен способами жизни: «как жить?». В широком смысле — это обмен способами захвата и переделывания природных процессов. В каком-то радикальном смысле цивилизация — это совокупный набор способов того, как перехватить и заставить работать на себя по-другому ключевые природные процессы. Причем, в широком смысле — не только энергию ветра, воды, — но и энергии микроорганизмов, биоценозов, различных живых систем, которые постоянно являются захватываемыми и используемыми в цивилизационном развитии.

Вопрос (А.Н. Окара):

Если есть развитие, то у него должен быть субъект. Кто здесь субъект?

Ответ:

Мое видение управления развитием состоит в следующем: технология самого развития стала массовой, развитие предметизировалось. Сегодня существует много разных типов развития, разнесенных по различным областям. У нас есть и развитие личности, и региональное развитие, и развитие корпораций. Если вы посмотрите дальше, то это отдельные практики со своей методологией, за каждой из них стоит свое мировоззрение, и каждая доказывает, что эффекты развития у них случаются. Можно согласиться, что спустя несколько веков после введения идеи развития, оно массовизировалось, предметизировалось, и сегодня стоит другая задача — соорганизации этих нескольких десятков практик развития между собой (в этом, по-моему, состоит предмет управления развитием). Как я вижу, основные проблемы, которые должно решать управление развитием, — это согласование по-разному направленных, по-разному методологически организованных практик развития. Самый простой пример состоит в следующем: региональное развитие не видит, как происходит корпоративное развитие на этой же территории, хотя на некоторых территориях 40–60% всего, что создается, создается как раз корпорациями. Это разные векторы. В чем задача управления развитием? Она состоит в том, чтобы наладить взаимодействие именно этих разнонаправленных практик.

Вопрос (А.И. Неклесса):

Насколько я понял, вопрос А.Н. Окары был по поводу субъекта развития. Кто, собственно говоря, иницирует, поддерживает, продвигает данное направление практики?

Ответ:

Исходя из прозвучавшего ответа, у нас происходит предметизация субъектов, и это развитие становится частичным.

Сформулирую еще раз. Сама по себе задача хоть как-то развиваться, высказанная 300–350 лет назад, являлась вызовом. Сегодня это стало технической практикой, которая реализована. Поэтому субъекты частичного развития теперь размазаны. Вопрос: «Кто является субъектом согласования?» Прямо в тему сегодняшнего семинара: только те могут претендовать на список цивилизаций, кто сформулировал международного, мирового типа проблему, поскольку не человеческий тип организации, это не руководство, т. е. не руками, а постановкой такого знаниевого пространства, проблемного, в котором происходит организация по отношению к нему частичных практик развития. Вот, в чем задача. Субъект — это, конечно, цивилизация. Она может ставить вопросы, но не про себя, а про мир. Именно эта постановка про мир заставляет переструктурироваться, задать новую планку ценностей для всех деятельностей, как мы сейчас видим, Киотский протокол задал проблематику выбросов, и оказалось, что замечательное, качественное предприятие, которое только что всем было нужно, сегодня вынуждено закрываться, потому что его деятельность наносит вред. Поменялись ценности.

Вопрос (А.В. Бузгалин):

Получается, что невоенное взаимодействие цивилизаций предполагает приоритет негосударственных субъектов, т. е. всех тех субъектов взаимодействия, которые не являются государственными структурами, — транснационального или открытого для международного контакта бизнеса, индивидов, неправительственных организаций и других субъектов гражданского общества, наднациональных институтов и т. д. Следовательно, путь к невоенному взаимодействию цивилизаций — это, во-первых, цивилизационная открытость,

во-вторых — снижение роли государства и возрастание роли негосударственных институтов. Так ли это?

Ответ:

Это сложный вопрос, потому что он связан для меня с ответом на предшествующий вопрос: кто же все-таки субъект этого развития? Давая перечень субъектов развития, я для себя представлял следующее:

- ТНК.
- Мировые города.
- Государство современного типа.

Возможно, этот список можно дополнить мировыми религиями, в чем я сомневаюсь.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

У меня два коротких вопроса. Первый: можете ли Вы что-нибудь сказать о критериях перехода между, скажем, торговым и военным взаимодействием? Вопрос продиктован тем, что, с моей точки зрения, такие критерии есть, в частности, один из них — это выпуск необеспеченных денег.

Второй вопрос. Скоро человечеству предстоит пережить логистический загиб — и демографический, и экологический, и экономический и т. д. Думали ли Вы, как изменится сама суть цивилизации при этом?

Ответ:

В своем предложении я формулировал это как типы взаимодействия. Между типами нет перехода, как нет его, к примеру, между типами личности. Я вводил представления именно в такой логике: есть тип взаимодействия — война, есть тип взаимодействия — торговля. А из истории мы знаем, что именно во время войны возрастает роль торговли. Более того, войны и придумываются для того, чтобы что-то продавать из того, что нельзя продать в мирное время. Если ты не продаешь войну, значит, ты не можешь продавать ору-

жие, потому что вначале нужно продать войну. В этом логика одного из типов взаимодействия. Они не то что переходят друг в друга, а являются идеальными типами.

Что касается серьезных цивилизационных переходов, то я вижу одну серьезную сложность, которая пока не может быть разрешена имеющимся культурным аппаратом. Она состоит в невозможности распространения образа жизни европейца (в широком смысле — жителя золотого миллиарда) на все население развивающихся стран. Об этом часто дискутируют. Ганди, например, говорил так: «если мы будем жить, как европейцы, то этот мир пропадет, как под давлением саранчи». Потом он говорил, что Бог этого не допустит. Понятно, что европейские уровни потребления энергии, продуктов питания для Индии, Китая — с их современными масштабами — невозможны при сегодняшнем уровне развития технологий. В шуточной форме это выражено в формуле, что «европейцы пытаются похудеть в то время, когда большая часть мира голодает».

Вопрос (В.М. Межуев):

У меня два вопроса. Где же проходит граница, отделяющая цивилизацию от доцивилизационного периода? Или у Вас цивилизация начинается с неолита? С неолита — уж точно, а вот до неолита? Скажем, эскимосы: они живут на освоенной территории или нет? Можно ли сказать, что существует эскимосская цивилизация? Этот критерий я не понял. Что значит освоенная или неосвоенная?

Если вы забросили спутник на Марс, то значит там есть следы европейской или западной цивилизации. Но это не означает, что на Марсе есть своя цивилизация. Вопрос заключается в том, с какого момента истории начинается цивилизация? В каком смысле освоенная — земледелие, скотоводство, бортничество? С какого момента я должен считать, что территория, на которой живет человек, освоенная?

И второй вопрос. Вы оспариваете термин «постиндустриальная цивилизация» и говорите о том, что существует такая

мегаиндустриальная цивилизация. Допустим. Тогда скажите: а на каком человеческом материале может быть построена эта мегаиндустриальная цивилизация? Вы ищите цивилизацию в вещах, а не в человеке. Могут ли существовать в этой цивилизации люди, воспитанные в аграрном обществе или в том же индустриальном? Или какой-то другой тип личности требуется, чтобы жить в такой цивилизации? Что это должен быть за человек?

Ответ:

Начну с ответа на второй вопрос. Когда я говорю, что, видимо, не состоялась постиндустриальная революция, я это говорю, с одной стороны, с сожалением и скорее рефлектируя на то, что происходит вокруг. Это не идеологическая позиция. Я оцениваю наблюдаемое и изучаемое мною. Я вижу, что вместо появления специфичных постиндустриальных способов организации мысли и жизнедеятельности, наоборот, выработанные в технической сфере инженерные способы распространились на все другие сферы жизни. Самое типичное — это проектирование. Теперь у нас есть культурные проекты, проекты в области искусства, философские проекты. Мы видим железное шествие всех форм организации мысли из инженерной сферы в другие сферы. Если проанализировать то, что происходит, то мы скорее можем сформулировать по-другому: идет процесс **мегаиндустриализации**, организация производства стала распространяться на другие сферы.

По поводу человека — у меня есть пока один ответ: это человек, который имеет проект жизни для своей семьи на три поколения. Граница цивилизации лежит на переходе от использования природных процессов, как в приведенном примере с эскимосами, к захвату и преобразованию природных процессов. Любой тип жизни, который вписан и идеально приспособлен к природным условиям, конечно, он не цивилизационный. Это адаптационный тип. А цивилиза-

ционный тип связан с освоением и с тем, чтобы заставить работать по-другому, по его принципам. Из него можно раскрутить разные варианты цивилизационных развитий. Цивилизация формировалась разными вызовами — вызовами гор, моря. Кто какой процесс захватывал — то и начинал осваивать.

Вопрос (А.В. Шубин):

Вы упомянули метод проблематизации как некий универсальный способ решения проблем. Я это выражение слышу в самых разных контекстах и трактовках. Мне это ничего не объяснило. Если можно, назовите основные черты метода проблематизации.

Ответ:

Самым главным здесь является способность к интеллектуальному подходу, интеллектуальная процедура объединения в одном пространстве гетерогенных, разнородных, не сводимых друг к другу сущностей. Ни один другой метод не позволяет в едином пространстве свести разнородное, объединив его в продуктивное взаимодействие. В самом простом варианте — это объединение двух абсолютно логически обоснованных представлений о процессе, но имеющих противоположные выводы. Если посмотреть на столкновение цивилизаций, то мы должны признать, что только в учебниках истории, написанных победителями, проигравшая сторона была виновата в возникновении столкновения. Следует отметить, что все стороны конфликта были «в своем праве», т. е. они последовательно развивали свои представления о мире и технологии его освоения. Если посмотреть на интеллектуальную, технологическую историю, мы увидим, что все самые ключевые свершения, которые происходили, всегда основывались на использовании этого метода. Если считать Галилея источником науки, то можно сказать, что все, что он сделал, представлено в диалогах, т. е. фактически в реализа-

ции проблемного метода. Развитие этого метода шло, в том числе, через полемическую деятельность «диалогов» в работах Николая Кузанского, Джордано Бруно, Галилео Галилея. Если мы имеем дело с настоящей проблемой, то ни первая, ни последующие попытки за счет напора и активности преодолеть разрыв не принесут позитивного результата. Деятельность обесмысливается и должна быть приостановлена. Поэтому говорится, что с точки зрения деятеля проблемы являются «помехой» и имеют негативное влияние, не позволяя реализовать намеченные цели. Но главное объединение разнородного производится не на «техническом» основании (с выделением одного абстрактного параметра у всех), а с сохранением различий. Это важнейшее положение, на которое ранее в философских исследованиях проблем и проблематизации не обращалось внимание, — проблема обладает организационной функцией.

Вопрос (А.В. Шубин):

Правильно ли я понял, что когда Чемберлен и Гитлер договаривались насчет Чехословакии и у них была очевидная проблема судетских немцев, они использовали метод проблематизации? Или когда Саддам Хусейн и США до войны 2003 г. договаривались, они знали, что между ними есть проблемы. Использовали ли они метод проблематизации? Я хочу понять, в чем состоит этот метод?

Ответ:

У меня есть другой ряд отнесения. Есть способы постановки мировых проблем. Например, Киотский протокол. Обратите внимание на стоящую за ним проблематизацию — даже не на решение, которое тоже, кстати, очень нетривиальное. Это вопрос выживания мира. Можно спорить, правы они или нет. Вопрос поставлен так: будет ли существовать человечество, если оно будет продолжать жить как раньше?

Метод проблематизации включает в себя онтологизацию, предметизацию, выделение конфликтов в этой работе по онтологизации, не сводимых друг к другу, непримиримых, и фиксацию их, когда идет спор по поводу устройства мира.

А.В. Шубин:

То есть, метод проблематизации — это сведение частных вопросов к вопросам устройства мира...

Г.Э. Афанасьев:

Скорее размещение всех частных вопросов в вопросе об устройстве мира. В этом смысле управление развитием, о котором я говорил, это и есть практика первым результатом, которой является размещение в значимом пространстве частных практик развития.

Вопрос (А.И. Соловьев):

Повестка дня для диалога цивилизаций, которые имеют общую границу, и тех цивилизаций, которые относительно не соприкасаются, — она что, одна и та же? Или она должна быть центрирована этой тематикой общемировой революции? Ведь та же проблема судетских немцев стоит для конкретных народов и культурных общностей, но она не существует для других цивилизаций.

Ответ:

Я считаю, что в первую очередь надо заниматься тем, что касается всех. Если ты можешь этим заниматься, то, по моему мнению, это и есть критерий цивилизованности. Это основной тезис моего доклада. Не только захват природных процессов и их преобразование, но и способность формулировать, поддерживать решение проблем, касающихся всех. Я считаю, что цивилизационный запас состоит в возможности ставить, развивать и, главное, искать способы

решения таких проблем для мира. В этом состоит цивилизационный вклад страны, региона, корпорации. Практика показывает, что территория имеет не такое большое значение в современном мире. Этот критерий важен при постановке вопроса, а когда это уже сделано, у нас появится совсем другой контекст для ответа, в том числе, и на вопрос о территории.

Вопрос (А.И. Неклесса):

Вопросов у меня много. Сама тема — «Механизмы взаимодействия цивилизаций» — актуальна, возникает много разногласий — и по существу проблемы, и, я бы сказал, семантических. Не только сама проблематизация темы, но даже методология и типология проблематизации вызывают вопросы. Меня, к примеру, смутила карта, приведенная в докладе, где цивилизационное многообразие сведено к модели, состоящей из четырех цивилизаций. Две из них — евроатлантическая и исламская — особых вопросов не вызывают. Но вот что для меня прозвучало менее внятно: что это такое — «восточная цивилизация»? Заодно хотелось бы понять, почему именно «русская цивилизация» является одной из четырех основных мировых цивилизаций?

Ответ:

Могу ответить только одно: если посмотреть у Хантингтона, то у него названы восемь цивилизаций. Среди них есть одна — под названием «православная». Она, конечно, имеет несколько другую территорию, но...

А.И. Неклесса:

Но при таком подходе к православной цивилизации относятся и Греция, и другие страны с православными культурными корнями. Попутно возникает вопрос, насколько современную русскую цивилизацию можно уверенно характеризовать как православную.

Г.Э. Афанасьев:

Начнем с количества цивилизаций. В докладе их приведено четыре, а не восемь, как у Хантингтона. Здесь дело не в количестве...

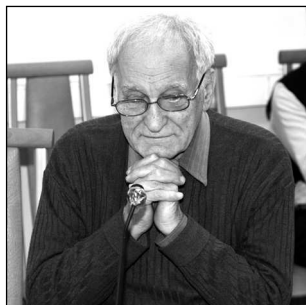
А.И. Неклесса:

Все-таки вопрос, что такое «восточная цивилизация» в рассматриваемом контексте, у меня остается: существуют весьма различные культурно-исторические субэкумены и в Африке, и в Азии, чтобы объединять их в единый кластер, сопоставимый с той же «русской цивилизацией». И, кстати, как быть в этом случае с «исламской цивилизацией»? Но оставим, наверное, эти вопросы для дискуссии.

Я бы предложил в ходе дискуссии обсуждать не только доклад, но также саму проблему взаимодействия цивилизаций. Мне представляется, что рассматриваемая сегодня тема шире, нежели управление развитием, она включает ряд аспектов, которые в докладе не прозвучали либо вызывают определенные сомнения у участников семинара.

Россия в поиске своей цивилизационной идентичности

В.М. Межуев,
доктор философских наук

Тема доклада, безусловно, интересная, хотя, по моему мнению, докладчиками она не раскрыта. Оба они защищают то, что еще необходимо доказать, а именно — существование России как особой цивилизации.

Я лично — противник теории локальных цивилизаций, которая появилась с легкой руки нашего Данилевского, а затем была подхвачена Шпенглером, Тойнби и др. Если история — это пространство, заполненное разными цивилизациями, то истории просто нет. Отрицание мировой истории — общее место у всех теоретиков локальных цивилизаций. Шпенглер прямо говорит, что всемирная история — это изобретение европейцев. В данной теории я вижу исток современного консервативного национализма и изоляционизма. А это путь в никуда. Эмпирически отрицать факт наличия множества цивилизаций вроде бы трудно, но, с моей точки зрения, такое множество лишь означает, что процесс становления цивилизации еще не завершен.

Действительно, вначале возникает веер, некоторое множество разных очагов цивилизации, многие из которых погибли либо от столкновения друг с другом, либо от натиска варварских племен и народов. Некоторые из них дожили до нашего времени. Но само наличие такого множества лишь свидетельствует о том, что цивилизация еще не стала для

всего человечества единой и общей, т. е. не достигла уровня своей исторической зрелости. Если культур, действительно, много, то цивилизация — в точном смысле слова — только одна. Я против отождествления цивилизации и культуры, что также является общим местом для всех теоретиков локальных цивилизаций. Пока существует якобы множество цивилизаций, нельзя считать варварство полностью преодоленным состоянием, ибо суть варварства как раз и состоит в абсолютизации границ, разделяющих разные народы.

В основу существования разных цивилизаций обычно кладут мировые религии. Так, Хантингтон, отстаивая идею множественности цивилизаций, что представляется ему эмпирически очевидным, особо подчеркивает тождество цивилизации и культуры, ставя на первое место в этом тождестве религию. «Основные цивилизации в человеческой истории, — пишет он, — в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира...». Отсюда достаточно распространенная типология цивилизаций. Так говорят о христианской (западной и восточно-православной), мусульманской, буддийской, индуистской цивилизациях. Именно эти пять цивилизаций Тойнби отнес к последнему — третьему — поколению цивилизаций, дожившему до нашего времени. Тойнби предвидит в будущем и возможность столкновения между ними, например, в ядерной войне (эту его мысль и подхватил Хантингтон), что грозит человечеству гибелью. Оправдается это предвидение или нет, границы между цивилизациями представляются ему неустрашимыми.

Какое место в этом раскладе занимает Россия? Тойнби отнес ее к «восточно-православной цивилизации», берущей начало в Византии. Однако существование самой России как особой цивилизации можно поставить и под сомнение. Православие, несомненно, находилось в истоке русской духовности и культуры, но вряд ли одного этого достаточно для существования особой цивилизации. Во-первых, не только Россия является православной страной. Во-вторых, русская

культура, которой мы все гордимся, во многом имеет европейские корни. У Данилевского особой цивилизацией является не Россия, а славянский культурно-исторический тип, представленный всеми славянскими народами. Для Шпенглера Россия — исторический «псевдоморфоз», противоестественное сочетание православной набожности с европейской ученостью. Если под цивилизацией понимать характерные для любого народа культурные особенности, то тогда и чукчи — цивилизация, и украинцы — цивилизация. Не считать же цивилизацией царское самодержавие и советский тоталитаризм, хотя попытку сблизить их с православием предпринимали многие. Тот же Тойнби считал православную Византию родиной тоталитаризма, откуда его и унаследовала Россия: тоталитаризм, согласно Тойнби, — «византийское наследие России». Для большинства зарубежных и отечественных авторов самодержавие и тоталитаризм — признак не особой цивилизации, а до конца неизжитого варварства, свидетельство исторической отсталости страны, ее недостаточной цивилизованности.

Вообще, приравнивание цивилизации к религии не всегда оправдано и, прежде всего, по отношению к самому Западу. Христианство, действительно, есть религия Запада по преимуществу, но ведь не только оно создало западную цивилизацию. Другим ее истоком стала греко-римская античность, откуда, собственно, и заимствовано понятие «цивилизация». Если средневековую Европу с ее властью католической Церкви над земными правителями еще и можно называть христианской цивилизацией, то как быть с современным Западом, пережившим этап секуляризации? Разве его отличает от других цивилизаций только в вере? Возникшая здесь цивилизация дает основание для другой исторической типологии, делит ее на традиционные и современные, доиндустриальные (аграрные), индустриальные и постиндустриальные общества, которые иногда также называют цивилизациями. Со стороны Востока история, действительно,

выглядит как некоторое множество цивилизаций (идея такого множества родилась на Западе, но в результате открытия им Востока); со стороны же Запада она предстает не просто как пространство, заполненное разными цивилизациями, но как движение человечества в сторону все большей его интеграции. С момента своего появления на свет Запад и мыслил себя заключительной фазой этого движения, и нельзя отрицать определенную правомерность такого взгляда. По этой логике, Запад — не просто одна из многих, а *универсальная цивилизация*, способная распространиться по всему свету и включить в себя все его части и регионы. Универсализм, в противоположность локализму, всегда осознавался Западом как его собственная и неотвратимая судьба.

Подобное представление — результат не просто раздутого самомнения. Оно диктуется некоторыми вполне объективными обстоятельствами. Запад универсален не по причине своей религиозности (здесь ему противостоят другие религии), а в силу своей разумности, получившей форму научной и правовой рациональности, которая не требует для себя никакой религиозной санкции. Наука и право — вот реальный вклад Запада в мировое развитие, от которого не может отказаться ни одно общество, желающее стать современным. Создав науку и светские формы жизни, базирующиеся на формально-правовых началах, он усмотрел в них единственно приемлемый для человечества способ его совместного существования. Именно Запад поставил вопрос об универсальной (т. е. научно рациональной в своих материальных и социальных основаниях) цивилизации как главном итоге предшествующего исторического развития.

В истории человечества Запад действительно стал первой попыткой перехода к такой цивилизации, во всяком случае, впервые выдвинул идею такого перехода. Именно здесь когда-то родилась идея человечества, объединенного в одно целое под властью Рима, под которой понималась не столько власть силы, сколько власть права. Это была не про-

сто мечта о мировом господстве, владевшая умами многих завоевателей, а именно идея универсальной цивилизации, уравнивающая всех в правах римского гражданина. Ее потому и называют иногда «римской идеей». Начиная с «первого Рима», история Запада стала историей ее практического воплощения в жизнь, хотя на разных этапах — разными путями и средствами.

Западу всегда казалось, что именно он призван покончить с варварством былых времен, явить миру единственно возможную форму его интеграции. И так было до тех пор, пока в фазе его капиталистического развития не обнаружилось черты, заставившие говорить о «новом варварстве». На место первоначальной оппозиции «цивилизация — варварство» пришли другие, не менее острые и опасные. В суммарном виде их можно сформулировать как оппозиция «цивилизация — природа», с одной стороны, «цивилизация — культура» — с другой. Конфликт цивилизации, развивающейся по законам капиталистического рынка, с природой и культурой стал причиной экологического и духовного кризиса, обозначив тем самым не только пределы роста этой цивилизации, но и ее неприемлемость в качестве планетарной модели будущего мироустройства. Отсюда и родились критика западной цивилизации, стремление найти ей альтернативу.

В ситуации обозначившегося кризиса западной цивилизации Россия и должна сделать свой собственный цивилизационный выбор. Если по отношению к первой оппозиции у нее нет иного выбора, как идти по пути Запада (здесь она не является исключением из общего правила), то по отношению к двум другим она вынуждена — вместе с Западом или без него — искать новые пути, позволяющие преодолеть или как-то ослабить их остроту и напряженность. Но отсюда следует, что такой выбор — дело не прошлого, а настоящего и будущего России.

О России как особой цивилизации стали писать сравнительно недавно и явно под воздействием происшедших в ней

перемен. Избранная нашими либеральными реформаторами стратегия модернизации России по образцу западных стран, названная «вхождением в современную цивилизацию», заставила задуматься о том, в какой мере эта стратегия учитывает российскую специфику, считается с ней. Вопрос этот побудил многих исследователей распространить на Россию так называемый «цивилизационный подход», представить ее как особое цивилизационное образование. Для такого вывода есть, казалось бы, все основания. Явная неудача этих реформ, проводившихся по рецептам западной науки, невольно наводит на мысль, что не все в этой науке адекватно срабатывает на российской почве. Россия полностью как бы не укладывается в научное ложе, созданное по меркам западного общества, не открывается принятым там стандартам научного объяснения и анализа. Что-то сохраняется в остатке, и это что-то затем ломает все расчеты и рушит все ожидания.

Непроницаемость России для интеллектуального дискурса Запада многие объясняют однозначно: Россия не является органической частью Запада, где этот дискурс сложился и оформился. Как России, порой, трудно понять Запад (не говоря уже о том, чтобы быть им), так и Западу трудно понять Россию, представить ее в терминах собственной научной рациональности. Ситуация, казалось бы, типичная для встречи одной цивилизации с другой. В действительности, не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Россию трудно представить и как совершенно особую, окончательно сложившуюся, во всем отличную от Запада цивилизацию, хотя подобные попытки и предпринимаются сегодня многими, пишущими на эту тему. Ее называют то православной, то восточнославянской, то евразийской цивилизацией — в зависимости от того, какой признак берется за основу — профессиональный, этнокультурный или геополитический. Но могут ли каждый из них — и даже все они вместе — служить признаком существования особой цивилизации? Будь так —

вопрос об отношении России к Западу решался бы намного проще, не переживался как одна из мучительных проблем российской истории. Ведь в сознании россиян постоянно жила тема не только их особенности и самобытности, но и отсталости, недостаточной развитости по сравнению с Западом. Эта западническая тема, наряду со славянофильской (то, что западники считали отсталостью России, славянофилы оценивали как ее самобытность), является сквозной в истории русской общественной мысли. Она вообще не могла бы возникнуть, не будь Россия в чем-то страной европейского типа, находишь она целиком за пределами западного мира. Чтобы сравнивать себя с Европой, даже в пользу последней, надо в каком-то смысле уже быть Европой, осознавать свою близость с ней. Многие страны неевропейского региона, также переживающие процесс модернизации, не возводят свою несхожесть с Европой в общенациональную проблему, не испытывают по отношению к ней чувство собственной неполноценности. Наши же западники всегда воспринимали Россию даже не как соседа, а как родственника Европы, пусть и бедного, задержавшегося в своем развитии.

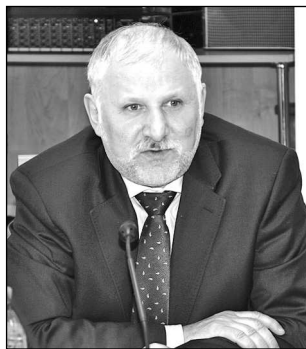
Столкновение этих двух основных русских тем — самобытности и отсталости — говорит о том, что вопрос о цивилизационной идентичности России остается открытым, не имеет однозначного решения, провоцирует возникновение взаимоисключающих мнений. На нашем пространстве как бы сосуществуют и сталкиваются разные России, между которыми трудно найти что-то общее. Мы либо грезим о своем прошлом, либо проклинаем его. Кто-то не приемлет ничего, что связано с Западом, для кого-то даже слово «патриотизм» является бранным. И каждый видит в другом заклетого врага России.

Вопреки мнению о том, что Россия уже сложилась как особая цивилизация, напрашивается другой вывод: она и сегодня находится в поиске своей цивилизационной идентичности, своего места в мировой истории. Поиск этот далеко не

завершен, что подтверждается непрекращающимся спором о том, чем является Россия — частью Запада или чем-то отличным от него. На отсутствие приемлемого для всех решения указывает и постоянно возрождающийся в российском общественном сознании интерес к «русской идее». Если Запад осознает себя как уже сложившуюся цивилизацию, то Россия — как только идею (разумеется, по-разному трактуемую), существующую более в голове, чем в действительности. Подобное направление мысли выходит на первый план там, где реальность находится еще в состоянии брожения, не отлилась в законченную форму, не застыла в своей цивилизационной определенности. И в нынешнем виде Россия являет собой пример страны, не столько обретшей свою цивилизационную идентичность, сколько в очередной раз осознавшей необходимость ее обретения.

От различия цивилизаций — к их конвергенции

С.С. Сулакшин,
доктор физико-математических
наук, доктор политических наук

Прежде всего, хочется поблагодарить докладчика за то, что он совершенно определенно показал нам сложный характер поставленной темы — во-первых, и, во-вторых, неоднозначность подходов как понятийных, категориальных, так и модельных, теоретических, объяснительных. Он, скорее всего, предвосхитил многовариантный исход дискуссии — не сможем мы прийти к единому представлению, потому что исходные позиции слишком разнообразны.

Позвольте в этом контексте сделать несколько умозаключений, вызванных к жизни докладом и работами нашего Центра, которые цивилизационную тематику увязывают с технологиями государственного управления, технологиями успеха человеческого сообщества и даже, обостряя этот тезис, с технологиями выживания. Сама постановка вопроса — «Механизмы взаимодействия цивилизаций: прошлое, настоящее, будущее» — с одной стороны, задает временной вектор, а, с другой стороны, требует синхронности анализа, потому что взаимодействовать могут только синхронно существующие субъекты. Хотя можно представить и межстадиальные взаимодействия — войну с тенью отца Гамлета, войну с предшествующими императивами или ценностными установлениями, а также мысленные взаимодействия с будущими императивами человеческого существования. Но более определенно, конечно, выглядит представление, что

взаимодействие подразумевает синхронность двух или более существующих субъектов. Из этой простой логики вытекает требование множественности цивилизаций, а отсюда мы приходим к тому, что в ином контексте, в ином творческом поле стадийный подход к цивилизациям (сначала варварство, потом цивилизация, цивилизованность) — менее актуален для сегодняшней дискуссии.

Я ограничусь представлением о цивилизациях как об устойчивых человеческих сообществах. Устойчивых в историческом времени и в географическом пространстве, объединенных (или идентифицированных) наличием единого пакета или набора ценностей-мотиваторов человеческого действия как ключом к историческому выживанию этих самых цивилизаций. Мысль эта самозамкнутая. Если общество находит некоторые мотивации и действия, успешные для его выживания, оно в истории сохраняет себя, если нет — погибает. Это некий парафраз дарвинизма. Хочется нарисовать ось времени и увидеть степень выраженности и идентичности цивилизации как пакета единых для нее ценностей-мотиваторов. Мы нашли даже способ количественного измерения этих ценностей. Отсюда находим подход к эволюционному вызову — что с ними происходило, как они развивались и взаимодействовали? (Рис. 1). Достаточно общепринято, что 40 тыс. лет назад возникло человечество как некое отличие от биологической предтечи. Естественно, что степень цивилизованности, в смысле агрегированности сообществ на основе совокупных конденсированных способов выживания, равна нулю. Затем человеческие локалитеты, адаптируясь для успешности выживания в своем уникальном природно-ландшафтном контексте, и расходятся веером. Затем в истории это все как-то меняется, в том числе с откатами назад. Здесь есть сходство с подходом В.М. Межуева. Он сумел преодолеть барьер категориальных различий в понимании цивилизации, с которого я начал. Именно степень «очеловечивания» данного локалитета с ходом эволю-

Мегаэволюция человечества

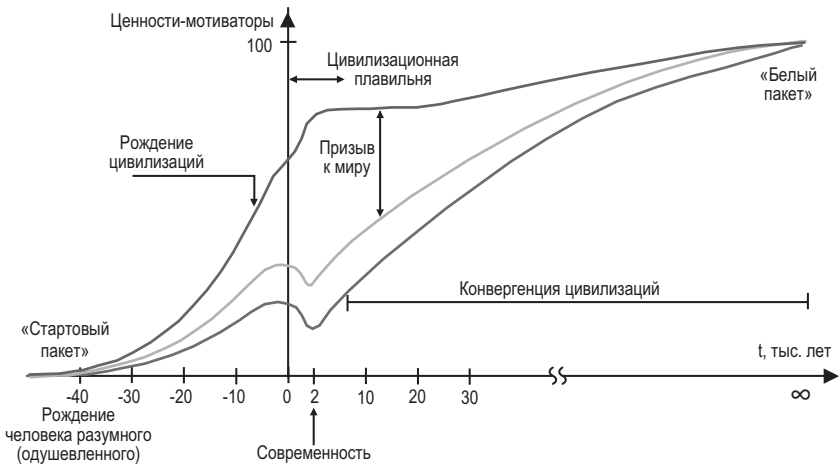

Рис. 1. Модель мегаэволюции цивилизаций

ции возрастает, хотя и может вступать в фазу отката. В этом случае можно говорить, что сообщество становится менее цивилизованным, потому что оно теряет свои эволюционные накопления, которые отличают его от биологического протосостояния. Возникает вопрос: во что это все потом, через +40 тыс. лет, превратится? Взаимодействие между локалитетами на протяжении всего времени осуществляется в основном по поводу дефицита ресурсов, борьбы за ресурсы. Отсюда — войны как первый и очевидный механизм взаимодействия цивилизаций. Не хватает воды? Пошли воевать за нее. Не хватает продовольствия, не хватает денег как эквивалента источников для существования — пошли воевать. Тогда возникает следующая логическая мысль.

По мере развития человечества, усиления возможностей науки, техники, производительных сил логично предположить, что возникнет какая-то точка во времени, в которой

ресурсная тема будет исчерпана, всего будет достаточно. В этот момент формы взаимодействия, которые тяготеют к агрессии, дележу, насилию, просто должны исчезнуть. А какие формы взаимодействия останутся? Останутся взаимодействия, связанные с фазой, в которой наблюдается предельное «очеловечивание» человечества как сущности, отличающейся от сущности биопредтечи. Для человечества, в отличие от биопредтечи, выживание носит характер физического только с одной стороны. С другой стороны — выживание духовное. Это развитие знания, духа, человеческих качеств, отличающих его от обезьяны, таких как сострадание, отношение к труду как к источнику блага и т. д.

Таким образом, мы приходим к изначальной постановке, получив два полярных логических подхода. Расхождение на начальной стадии и схождение (конвергенция) на продвинутой стадии цивилизационогенеза. Получаем догадку о типе взаимодействия цивилизаций в начале их формирования — назовем его первым. Типе взаимодействия сегодняшнем и, в будущем, — каком-то третьем типе. Вызов заключается в том, чтобы понять, что происходит сегодня? Есть ли позитивные оптимистические сигналы, показывающие куда мы идем? С чем связаны цивилизационный откат, модерн, постмодерн?

Если в контексте представленной модели мегаэволюции цивилизаций попытаться номинировать типы их взаимодействия, то это, конечно, разные формы контактов. Контакты могут быть силовые и несиловые. Силовой контакт — это война, спецоперации, диверсии, терроризм. Несиловые формы — это, конечно, информационный обмен, взаимная культурная инфильтрация. Эти типы взаимодействия цивилизаций, их контактов материализуются в разной форме. Совершенно необязателен тот субъектный перечень, о котором сказал докладчик. Это человеческие контакты, но не только в процессе путешествий. Информационный, культурный обмен, образовательные и научные переносы

знаний, информационно-пропагандистские переносы, которые размывают границы между агрессией и несиловыми обменами.

На сегодня Россия, в частности, находится в прицеле агрессивной межцивилизационной информационно-психологической войны. Непонятно, выживет ли она в результате как цивилизация.

Мы имеем основание утверждать, что Россия является цивилизацией, потому что российский локалитет имеет специфическое выражение «физиономии» с точки зрения пакета цивилизационно-детерминирующих ценностных поведенческих мотиваторов. Это вполне измеримый портрет, и можно увидеть разницу выражения на «лице» разных цивилизаций. Для каких-то локалитетов разница неразличима. Тогда мы говорим, что этот географический ареал, включающий несколько стран, может быть назван единой цивилизацией. Эскимосов, может быть, тоже можно назвать цивилизацией, только надо посмотреть на указанное ценностное выражение «лица» этого локалитета. А возможно, это только часть более обширного ареала, который только и может быть назван цивилизацией.

Сегодня Россия находится в четко диагностируемом состоянии адресата и жертвы информационно-психологической агрессии. Российский ценностный, детерминирующий ее профиль подвергается цивилизационной трансформации. Участников российской цивилизации заставляют подменять коллективистские, общинные ценности на ценности индивидуализма. Нематериальные ценности — например, в мотивациях труда — на материальные ценности, например, такие как оплата труда или другие материальные блага. Это приводит к тому, как если бы человеку пересадить обезьянье сердце: происходит его отторжение и гибель самого организма.

Важно, что формы текущего информационного взаимодействия цивилизаций, которые могут быть позитивистски-

ми, жизнеобразующими — культурный или научный обмен — одновременно могут быть и опасными, агрессивными.

Следующая моя мысль заключается в том, что по мере эволюции все цивилизации, сегодня борющиеся за свое выживание, будут стягивать свои мотивационные, ценностные мотиваторы к верхнему состоянию, которое условно можно было бы назвать «белым» состоянием, в отличие от «черного» или стартового состояния. Из этой логики вытекает представление о методологическом подходе к анализу межкультурных коммуникаций в виде диалога, международных механизмов кооперирования или, наоборот, различия, разделения, понимая откуда и куда идет человечество. Отсюда получаем рекомендации и на сегодняшний день. Одну из них высказал В.М. Межуев. От диалога цивилизаций целесообразен переход к цивилизации интегрированного типа, внутри которой ее имманентным свойством является не война, не дележ, а диалог как способ эволюционирования.

Но в этом подходе есть еще и вызов. Если все различия исчезнут, что же будет движительным началом развития? На этот вопрос тоже появляется ответ, и он более оптимистичен, чем дележка ресурсов. Это развитие духа человеческого, знания человеческого, экспансия в пространство, повышение потенциала ответа на форс-мажорные угрозы типа падения астероида и т. п.

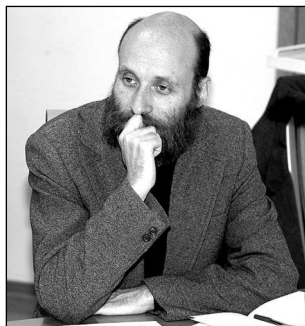
Итак, вывод. Для того, чтобы взаимодействовать, цивилизации должны быть отличны друг от друга и одновременны. Рождались цивилизации из гомогенного проточеловеческого сообщества именно накапливая отличия. Уникальность цивилизационных портретов отвечает специфике природно-ландшафтных и средовых условий их обитания.

Различия ведут как к агрессии против иноцивилизационности, так и к взаимной ценностной инфльтрации.

В будущем, по мере снятия ресурсной проблемы, неизбежна конвергенция цивилизаций.

К исследованию цивилизационных особенностей:
нациогенез, экспорт смыслов, резонансы
и прогресс

А.В. Шубин,
доктор исторических наук

Доклад вызывает приятные чувства — я тоже любитель туризма. Однако вынужден признать, что для понимания культуры народа туризма явно недостаточно, необходимо систематическое изучение предмета по письменным источникам.

У нас был и содоклад, причем о другом предмете. Дело в том, что слово «цивилизация» исторически приобрело два совершенно разных смысла. Нужно просто с этим смириться, это омонимы. Есть понятие цивилизации как неварварства, письменной культуры, а есть понятие цивилизации как путей народов, которое я обосновывал в прошлый раз.

Кроме научного подхода есть еще идеологический — понимание под цивилизацией то, что тебе нравится. В.М. Межуев говорил о том, что мы только идем к цивилизации, понимая под ней некое неварварство как утопию, как «истинную цивилизацию», как то, что ему нравится. Это — чисто идеологический подход. Отсюда противоречия Вадима Михайловича: с одной стороны, цивилизация возникла в Древней Греции, а с другой стороны, цивилизация еще не возникла, и мы до сих пор живем в варварстве. С этим связана и «историческая приблизительность» подобных рассуждений, когда после эпохи Перикла у нас идет Александр Македонский, что то же самое, как если бы после Николая II шла эпоха Ельцина, т. к. количество лет примерно такое же.

Я бы призвал избегать исторической приблизительности, потому что это все путает и, прежде всего, подрывает ваши собственные концепции. Скажем, представление о Средневековье как о варварстве — по сравнению с Античностью — из того же ряда мифов. В Европе XII в. человек был более защищен правом, чем в Римской империи. Это все та же приблизительность, когда мы пытаемся идеологические представления выдать за цивилизацию.

Я не против идеологии. Конечно, у нас с вами есть разные стратегии будущего, и мы имеем свое представление о том, что будет через 40 тыс. лет или лучше — через 100; мы обосновываем эти представления историческим материалом. Но вы очень рискуете, когда выстраиваете это обоснование из фрагментарных кусочков истории, между которыми огромное количество событий, свидетельствовавших часто об обратном.

Мое понимание цивилизации близко к тому, которое изложил С.С. Сулакшин. Только к этому понятию нужно относиться нейтрально. Действительно, есть признаки, на которые человек, взращенный в одной культуре, реагирует иначе, чем представитель другой культуры. Это, по-моему, очевидно, и не нужно с этим воевать. Позиция Тойнби была относительно взвешенной. Он считал, что есть общая история человечества, но она имеет разные потоки. Вопрос о количестве цивилизаций, культурных блоков может дискутироваться. Важнее договориться о критериях этого явления. Здесь есть параметры, которые можно исследовать объективно. Например, явление резонанса. Разные цивилизации, разные народы на одном и том же этапе общественного развития проходят одну и ту же стадию общественного развития совершенно по-разному. Вспомните знаменитую фразу: «что русскому хорошо, то немцу смерть». Разная результативность реформ Бисмарка и Столыпина — результат не только особенностей этих политиков, но и соответствие их реформ характеру народов. Германия с ними «резонирует».

вала», а Россия — «какофонировала». Так же Китай «резонировал» с финалом перехода от традиционного общества к индустриальному (в 1970–1990-е гг.). СССР проходил этот этап в 1950-е гг. не столь результативно, тяжелее для населения. Это можно объяснять разными причинами, но особенности социальной психологии китайцев также важны. Если мы исследуем эти «резонансы» и «какофонии», то сможем выстроить имеющиеся у нас пути развития народов в определенную, если хотите, систему Менделеева, рассортировав их в соответствии с «клеточками» стадий общественного развития, прогресса, понимаемого как движение от традиционного общества к индустриальному и далее.

Другой способ фиксации особенностей цивилизации — это этапы этногенеза и нациогенеза. Это две разные вещи. Сначала у вас возникают системообразующие мифы этноса, основы его культурной традиции. На ином этапе исторического развития, при переходе к индустриальному обществу возникает нация. При этом используются унаследованные от этногенеза первичные мифы. Эти мифы обычно однотипны, поэтому я не очень согласен, когда говорят, что японец и русский на одни и те же вопросы отвечают совсем по-разному. Как раз нюансы, иногда внешне незначительные, принципиально важны. Это нужно изучать тщательно, а не так, по наитию. Нужно различать особенности, которые связаны со стадией развития, и особенности развития народа на протяжении всей его истории. Несложно различать яркие национальные костюмы. А вот понять, что в голове у индуса, одетого в европейский костюм, гораздо сложнее.

Сказки разных народов поразительно похожи. Одни объясняют это бродящими сюжетами, другие тем, что в определенных психологических обстоятельствах люди ведут себя схожим образом. Это не заложенные в бессознательное древние архетипы, а скорее — психологические конструкции.

Мы можем находить маршруты распространения смыслов, сюжетов, мифов, экспорта культуры, коммуникации.

И это также позволяет объективно фиксировать культурные блоки, возникшие из одного очага. Скажем, корейская культура в значительной степени продукт экспорта китайской с последующими воздействиями японской и американской культур. Но несмотря на американский импульс, южный и северный корейцы воспринимают отношение к предкам практически одинаково. Когда мы все это типологизируем и раскладываем по полочкам, у нас получается карта культурных блоков и их особенностей.

Только важно не смешивать особенности, вызванные различием стадий развития и собственно цивилизационных путей. А то у нас сплошь и рядом принимают за «столкновение цивилизаций» столкновение эпох. Скажем, многие «особенности» развития современной тропической Африки можно найти и в Европе, но в прошлых веках. Соответственно, представители разных народов, находящиеся на близких стадиях развития, могут мыслить как соотечественники. На нашем семинаре Н. Нарочницкую спросили: «А в чем миссия русских?». «Население должно быть одетым, обутым, сытым, оно должно уважать традицию, размножаться», — последовал ответ. Затем я задал этот же вопрос китайцу, профессору Ши Цзе. Он отвечал мне практически так же, как Нарочницкая. Я не хочу сказать, что она права, и мы все должны с ней согласиться. Может, так — может, нет. Она — русская, он — китаец. А ответы у них одинаковые. Если посадить рядом профессора Ши Цзы и Нарочницкую, то, до определенного предела, они будут понимать друг друга так, как будто учились в одной школе. А в какой-то момент они упрутся, и понять друг друга будет очень тяжело. Нахождение этих пунктов непонимания — важная исследовательская задача. Работая в российско-литовской, российско-украинской, российско-немецкой комиссиях историков, занимаясь научным диалогом с китайцами, вы учитесь обходить эти блоки, чтобы делать более эффективным этот канал несилового решения конфликтов, который сейчас приобретает особую

важность. Мы видим, что военное взаимодействие народов нам не нравится. Торговое — тоже не для нас, историков, — не та профессия. Борьба смыслов и обмен осмысленным — вот наш удел.

Я как раз не очень верю в мировую бюрократию, я верю в мировую коммуникацию. Чиновники подписали Киотский протокол только потому и после того, как экологическое движение одержало победы в борьбе за общественное сознание. Смыслы, через которые мы можем воздействовать и сближать народы, прежде всего транслируются по каналам интеллектуалов, а не чиновников. В современном мире мыслители оказываются фактором колоссальной силы не только в идеологических войнах, но и в международных переговорах. В частности, могу сказать, что переговоры российских и литовских историков практически привели к тому, что достигнуто существенное сближение. Даже власти задумались, что им с этим делать. Авторитетные эксперты перестали обслуживать интересы идеологической войны.

Подводя итог, хочу сказать, что я, конечно, не верю, что у нас возникнет мировая цивилизация, основанная на ценностях вненациональной личности. Про 40 тыс. лет скажу, что тут будет либо пустыня, либо будет сидеть Бог. А в ближайшее время нам предстоит иметь дело с тем, с чем и сейчас — разные цивилизации будут переходить либо от традиционного общества к индустриальному, либо от индустриального общества к постиндустриальному, либо, увы, от индустриального общества назад, к традиционному. Последнее нами, людьми, выросшими в условиях индустриального общества, воспринимается как впадение в варварство. Сегодня борьба за цивилизацию (во всех смыслах этого слова) — это борьба за прогресс, против деградации и отката.

Реплика (С.С. Сулакишин):

Выборку, сравнивающую отношение к ценностям России и Китая, Вы сделали на двух примерах. На самом деле,

когда мы обрабатывали результаты мирового исследования, где десятки стран и сотни вопросов, то увидели совершенно определенно, что разные цивилизационные выборки показывают разные отношения к ценностям.

А.В. Шубин:

Если у вас для выступления имеется всего несколько минут, мудро привести сотню примеров. Но имейте в виду: чтобы сделать вывод о ценностях цивилизации, нельзя просто провести социологический опрос. Вы должны сравнивать данные на протяжении веков, а тогда подобные опросы не проводились.

Военные и невоенные методы решения
геополитических проблем:
ограниченность цивилизационного подхода
(некоторые ремарки)

А.В. Бузгалин,
доктор экономических наук

Я уже как-то выступал на этом семинаре с попыткой предложить исторический подход к анализу обществ, которые мы пытаемся сравнивать или самоидентифицировать. В частности, если бы вопрос о ценностях демократии и прав человека поставили перед россиянами в 1988 г., то я гарантирую, что ответ был бы более продвинутым в сторону демократических ценностей и прав человека, чем у граждан многих западноевропейских стран. Итак, я еще раз хочу подчеркнуть важный тезис: стереотипы поведения, ценностей и мышления россиян, включая интеллектуальную элиту, изменяются очень быстро и активно под влиянием социально-экономических и общественно-политических условий.

На моей памяти, т. е. на протяжении 1975–2009 гг., подавляющее **большинство представителей т. н. творческой интеллигенции моей Родины принципиально изменяли свои ценности и установки, как минимум, четыре раза.**

До 1981–1983 гг. они были, в большинстве своем, последовательными и искренними марксистами-ленинцами. В 1987–1989 гг. — последовательными сторонниками европейской социал-демократии. В 1992–1995 гг. стали, в подавляющем большинстве, активными сторонниками североамериканской модели либерализма. Начиная с 1999 г., — чем дальше, тем больше — представители творческой интеллигенции

превращаются в сторонников государственно-державной модели.

Если мы посмотрим на более широкий круг граждан — скажем, на инженерно-техническую интеллигенцию, учителей, врачей и др., — то до 1982 г. они в большинстве своем интересовались новыми романами в «Иностранной литературе» или очередь за сапогами. С 1985 г. до 1990 г. они интересовались тем, что публиковалось про Сталина и Ленина в «Новом мире» и тем, какая мерзопакостная в СССР бюрократия. С 1992 г. они в основном интересовались тем, где достать деньги и как выжить... Дальше я поставил многоточие, чтобы не входить в политику. (Помните анекдот: «Я кушать хочу — отстаньте со своей политикой»).

Вторая часть моего короткого выступления касается главной темы семинара. Если под цивилизацией понимать некую устойчивую социально-историческую структуру, существующую на некотором пространстве, относительно ограниченном и более или менее стабильном (к примеру, в границах бывшей Российской империи), то в этом случае можно говорить о невоенных методах взаимодействия, переходя на очень важную проблематику сегодняшнего дня — геополитику. **Чем в большей степени мы наблюдаем приоритет геополитической проблематики как объективной проблематики социальных структур, тем в большей степени будут использоваться военные методы.**

Если применить историко-философский подход (а он здесь абсолютно необходим!), то мы можем зафиксировать, в частности, следующее. Для монархических позднефеодальных структур геополитические проблемы, т. е. проблемы принадлежности или непринадлежности им пространства, объективно находились на одном из первых мест. Они были объективно важнее, чем экономические, духовные и любые другие проблемы. Поэтому постоянные войны были нормальным явлением и — по критериям того времени — *благородным, нравственным, религией*

одобряемым способом решения проблем взаимодействия социальных структур.

Любая война любой страны освящалась церковью и всегда была связана с реализацией высших нравственных ценностей данного социума. Возьмите, к примеру, походы Суворова по Западной Европе, немало способствовавшие восстановлению позднефеодальных империй, — исключительно «благородная» (по критериям российской монархии) миссия во славу православных ценностей. Можно взять обратный пример, когда Наполеон шел на Россию для реализации соответствующих «ценностей»...

Выше я по сути дела сформулировал некую общую закономерность: **чем более объективно значимыми для социума (в силу специфики его социо-исторического типа) являются геополитические проблемы, тем важнее военные методы взаимодействия социумов.**

Невоенные методы решения проблем связаны с доминированием других типов объективно возникающих и становящихся доминирующими проблем и другими субъектами. Здесь работает **неустойчивая закономерность-тенденция**, которую бы я сформулировал так: **чем в большей степени субъектами взаимодействия социумов в пространстве становятся не государственные образования, а индивиды, субъекты культурного процесса, субъекты гражданского общества, тем в меньшей мере объективно оказываются востребованными военные методы решения проблем.**

И третий тезис. Капитал — особенно современный, транснациональный, в отличие от того, что принято думать, — не является субъектом, обеспечивающим невоенные методы решения пространственных проблем, поскольку транснациональный капитал, как правило, имеет национальное место прописки и сращивается с интересами определенных государств, как правило, исполняющих роль наднациональных игроков. Перспектива здесь в том, что ТНК будут еще более сращиваться с наднациональными государствами, вроде

США. В зависимости от типа развития и многих других параметров ТНК может использовать или не использовать военные методы решения проблем, так же как и государство. Следовательно, **чем больше будет контроль со стороны граждан и культурных процессов над геополитическими социопространственными процессами — в частности, над государственным капиталом, — тем меньше возможностей для военных методов.**

В России проблема цивилизационной идентичности подменяется разговорами об особом пути

А.Н. Окара,
кандидат юридических наук

Представляется, что две противоположные трактовки понятия цивилизации — как неварварства и как культурно-исторического типа — не противоречат друг другу, а должны накладываться друг на друга. «Цивилизация» в первом понимании и «цивилизация» во втором — это омонимы, как точно заметил А.И. Неклесса.

Когда говорят о цивилизации как о культурно-историческом типе, речь идет о религиозной идентичности. Если религиозный фактор исключается из структурирования цивилизационной идентичности, а актуализируется лишь этнокультурный и социальный, получается, что эскимосы — это тоже отдельная цивилизация.

С другой стороны, измерение цивилизации как неварварства говорит о том, что это определенный уровень развития человека, предполагающий его рациональную организацию. Цивилизация — это определенная макрокультура или геокультура, достигшая неварварского уровня, поэтому можно говорить, что существует не одна цивилизация, их несколько, но не бесконечное количество — их меньше, чем макрокультурных групп. То есть, цивилизация — это такая общность, в которой сформулированы на основе какой-то общей идентичности универсальные представления о неварварстве, о человеческой рациональности и самодостаточности. Такая общность непременно должна иметь и города. В принципе

цивилизация, как отметил тут В.М. Межуев, основана на праве и науке; но в мире есть всего лишь три правовых системы (римская, англосаксонская, исламская, а также почти исчезнувшая социалистическая), и главная граница между ними проходит не где-нибудь, а внутри Европы. Римское понимание права не универсально — оно отличается от англосаксонского (основа римского права — закон, нормативный акт; основа англосаксонского права — судебный прецедент). Уже на этом уровне получается, что абсолютных, универсальных моделей не существует даже внутри Европы.

Итак, цивилизация — это неварварство, но не универсальное, не единое для всего человечества, а основанное на локальной, макрокультурной и религиозной идентичности.

В какой степени в современном мире цивилизации являются субъектами? Распад Модерна подталкивает к тому, что национальные государства как строительный материал человечества становятся менее актуальными, а более актуальными становятся наднациональные образования. Где в мировом проекте место цивилизации? В какой степени они являются универсальным форматом для объединения и солидаризации экономических и политических интересов? Мне представляется, что в нынешнем мире это достаточно эффективная форма в рамках больших общностей, но она все равно должна иметь своего субъекта.

Как раз в цивилизации, к которой принадлежит Россия, проблемой является тот факт, что субъект или не выявлен, или отсутствует. Именно поэтому формат цивилизационной идентичности в нашем случае не является значимым или доминирующим. Проблематика цивилизационной идентичности России у нас часто подменяется дискурсом об особом пути российского развития.

Не считаю, что логическое мышление выше интуитивного

*Д.С. Чернавский,
доктор физико-математических
наук*

Доклад на меня произвел большое впечатление, заставил задуматься и способствовал выделению адреналина. У меня было много вопросов, но я их не буду задавать по причине времени. Выступление В.М. Межуева произвело не меньшее впечатление, и адреналин тоже выделился.

С Вашей, Вадим Михайлович, точки зрения, я — варвар. Я не считаю, что человек мыслит разумно, что логическое мышление выше интуитивного. Напротив, я считаю, что интуитивное, творческое мышление выше логического.

С докладчиком я тоже не согласен по поводу преимуществ личных интересов над общественными, т. е. государственными. Эти разногласия актуальны и содержательны. К сожалению, содержательность их тонет в терминологических софизмах о том, что считать цивилизацией.

В этом смысле я считаю, что слова «варварство» или «цивилизация» — это условность. Чтобы избежать этой условности, я предлагаю употреблять слово «сепулькарий». Есть сепулькарий западный, китайский, индусский, российский, а я — сепулька русская.

Каждое из содержательных утверждений о приоритетах я готов защищать на уровне нейрофизиологическом, биологическом и гуманитарном. Поэтому считаю, что наш спор очень содержательный.

Да, действительно, я согласен, что в будущем будет один сепулькарий. Очень важен переход к нему. Это может быть

мирный переход, симбиоз, а может он быть и отнюдь не мирным. От чего зависит выбор пути? Это не решено. Здесь надо подходить комплексно, с учетом экономических, социальных, социокультурных, исторических особенностей в плане науки синергетики, которая объединяет эти подходы.

Цивилизация — шкатулка смыслов

А.И. Соловьев,
доктор политических наук

Я бы хотел остановиться только на трех тезисах. Первый: ни одно понятие не сохраняет раз и навсегда заданное при его концептуализации единое смысловое содержание. Поэтому темпоральная развертка тех или иных когнитивных конструкций всегда отражает его эволюцию, насыщение новыми коннотациями. При этом какие-то смыслы остаются, но уходят на периферию этого понятия, какие-то исчезают вовсе, а что-то добавляется вновь. Так и с «цивилизацией». Когда-то этому понятию придавались одни ключевые смыслы, а сейчас востребуются другие, которые ранее обладали вполне периферийным статусом. Поэтому те коллеги, которые настаивают на приоритете одних параметров, на деле отнюдь не противоречат своим оппонентам, которые оттеняют просто иные характеристики. К примеру, В.М. Межуев прав в том, что термин «цивилизация» всегда содержит противопоставление дикости и варварству. То есть, это сквозное значение понятия, которое всегда отражает дистанцию более развитых и менее развитых народов при взаимодействии с природой, другими социальными организмами. И это противоречие было, есть и будет, поскольку и сегодня мы наблюдаем — уже в условиях глобализации — тот же разрыв в развитии разных стран. И, к примеру, термин «глокализация» ясно показывает, что разные страны — в соответствии с неодинаковым уровнем своего развития — по-разному отвечают на глобальные, трансграничные вызовы. То есть, терминологическое оформление может быть несколько иным, а смысл — тем же самым. Ведь и в рамках современного состояния можно прибывать в

дикости, варварстве или же, напротив, адекватно (т. е. цивилизованно) отвечать на современные вызовы.

Второе. Модель, которую использует С.С. Сулакшин, мне чисто практически ближе, поскольку в ней присутствуют подходы среднего уровня. То есть, речь идет уже о социокультурном содержании различных цивилизаций как неких социальных локалитетов. В этом смысле я могу интерпретировать цивилизацию как определенный глубочайший (для той или иной общности) ценностно-поведенческий комплекс (который, кстати, тоже обладает своей формой реакции на глобальные вызовы). И в этом плане обозначать ту или иную форму культуры как некую цивилизацию тоже можно безо всяких ограничений. Только тогда это отразит культурную мозаичность мира, ту устойчивую характеристику социальной эволюции, которая всегда сопровождала и сопровождает развитие человечества. Короче, множественность (крупных и мелких) цивилизаций отражает неизбежный мировой мультикультурализм. И это тоже константная характеристика данного понятия.

Другое дело, что методология анализа русской цивилизации, использованная докладчиком, представляется мне крайне мифологичной. Я понимаю, что русские любят приобедняться. Это, наверное, традиционная привычка. Но она одновременно прикрывает серьезные теоретические вещи. Ведь, если вдуматься, в чем пафос идеи С.С. Сулакшина относительно того, что цивилизационные очертания России подвергаются какой-то внешней агрессии? Думаю, это отражает не злой умысел «коварного Запада», а отражает более глубокий исторический факт, а именно то, что массовые ценностно-поведенческие реакции нашего населения оказываются нежизнеспособными в новых условиях. И если население других стран более оперативно перестраивается в плане использования более рациональных моделей поведения, отвечающих на современные вызовы, то у нас это не получается. Отсюда и возникают все эти вековечные стоны об «ущемлении» национальных интересов, «заговорах», «происках» и

прочие поиски виноватых в наших бедах. Вот Д.С. Чернавский, например, уповает на потенциал дологического мышления (способного предложить выход из кризисной ситуации). Может быть. Правда, вся мировая практика показывает, что крупные социальные общности реагируют на внешние вызовы *рационально*, выстраивая соответствующие институты и структуры, способные предотвращать угрозы и риски. Возможно, когда-нибудь в недрах какой-то цивилизации и сложится некая внелогическая система власти или организации общества. И тогда люди смогут не переходить на рациональные формы ответа на вызовы, не ломать свои культурные привычки, а жить, как живется. Я, правда, в такие футурологические модели не верю и даже теоретически не допускаю такого состояния общества, ибо человеческая жизнь всегда изначально связана с борьбой за ресурсы, с противоборством со стихийными силами (природы и общества). И ничего другого, кроме разума, человек здесь использовать не может.

Поэтому третий момент тоже оказывается методологическим. Те, кто верит в розовую мечту о бесконфликтном обществе и окончании борьбы за ресурсы (забывая хотя бы про то, что существуют и идейные, духовные ресурсы, также обуславливающие соперничество и борение людей друг с другом), напрасно тратят силы на эти мифологические конструкции. Лучше трезво учитывать реальные факторы, влияющие на жизнь человека и эволюцию тех же цивилизаций. Вот, к примеру, С.С. Сулакшин нарисовал нам весьма романтическую линию поступательного развития мирового сообщества. Но почему-то забыл про природу. А что, если в 2012–2014 гг. случится климатический кризис (о чем нам постоянно напоминают)? Разве тогда этот коэволюционный поток, даже чисто теоретически, сохранит свою направленность? Одним словом, отбор и селекцию исходных параметров для построения прогнозных презумпций надо осуществлять в рамках более продуманных схем и моделей. Тем более, если их хотят использовать для оценки динамики ценностно-поведенческих образований.

По всей вероятности, нас ожидает период хаотизации социальной организации

А.И. Неклесса

Думаю, цивилизация — это все-таки не просто «альтернатива неосвоенному ландшафту», как считает Георгий Эдгардович. Тогда ее граница могла бы пролегать еще где-то между палеолитом и неолитом. При подобном подходе растворятся в освоенных человеком пространствах и архаика, и варварство.

И, конечно же, мне трудно согласиться с В.М. Межуевым, что «современная цивилизация — это варварство». Да, Вадим Михайлович, у Вас прозвучал этот тезис.

Все-таки нам в очередной раз пришлось вернуться к обсуждению категории «цивилизация», хотя я полагал, что предметом сегодняшней дискуссии станет механизм взаимодействия сложившихся культурно-исторических ареалов.

И коль скоро разговор принял подобный оборот, напому генетику данной категории, впервые возникшей в трудах маркиза Мирабо как «цивилизованность». Иначе говоря, «цивилизованность», «политес» фиксируют два момента: а) процессуальность понятия, его скрытую стадиальность, развитие и б) связь со становлением городской культуры. Город — это «единство в многообразии» — объединяет представителей разных племенных и прочих образований, формирует гетерогенную среду, которая «дышит воздухом свободы» и превращается в политическую оригинальность посредством коммунальной культуры, рождающей современность, современный мир.

На мой взгляд, цивилизация на планете одна, но имеющая различную культурную феноменологию. Конечно, суще-

ствуют дебри Амазонии, да и другие дремучие уголки, но в основном корпусе стран цивилизация одна — правовая, экономическая, политическая — словом, одна: мир Модернити. Едина ли эта цивилизация? Да, как цивилизация она едина, имея различные политические, экономические, правовые различия, не говоря уже о культурных. Но, возможно, у нее появляется исторический конкурент.

Мы находимся на интересном историческом этапе, когда цивилизация как городская культура переживает трансформацию в иное социальное состояние.

Понимание же цивилизации как культурно-исторического круга — своего рода омоним. Данилевский, Шпенглер, Тойнби — равно как и их последователи — вели, в сущности, речь о культурно-историческом типе общества, о социокультурном круге, что не есть цивилизация как процесс. И даже в различных субэкуменах цивилизации присутствуют некоторые общецивилизационные нормы, интегрирующие пестрое планетарное сообщество.

Сошлюсь в качестве примера — своего рода «кейса» — на уже упоминавшегося сегодня Ганди. Возможно, это прозвучит шокирующе, но Махатма Ганди — представитель не индуистской цивилизации: не являясь христианином, он — часть христианской культуры, оперировал ее ценностным рядом для формирования собственной политической практики. Ценностные постулаты политики ненасильственного сопротивления заимствованы им из... Нового Завета.

Действительно, в послевоенной Индии мы имеем, в сущности, два конфликта: а) между индийским обществом и британской колониальной администрацией и б) между индуистской и мусульманской общинами. Обратите внимание на разницу между двумя этими конфликтами.

Первый конфликт протекает — как ни странно это прозвучит — более-менее в цивилизованных формах, пока индийское общество руководствуется теорией ненасилия, а действия британской администрации находятся в зависимости

от британского и мирового общественного мнения, базирующегося на определенной ценностной основе, развитой христианской цивилизацией. В значительной мере именно поэтому Ганди удастся обрести национальную независимость без кровопролитной войны. Подчеркну еще раз: Ганди не христианин, но он представитель христианской цивилизации и действует в ее рамках. Кстати, обратите внимание, что в своих речах он апеллирует к Всевышнему. Все это, конечно же, имеет мало общего с индуизмом как таковым.

И второй конфликт — уже между индуистской и мусульманской общинами — отличается от первого масштабом, формами насилия, количеством пролитой крови. Неслучайно ставший национальным героем Ганди оказывается жертвой этой волны насилия.

Что же я хочу сказать? Для меня культурно-исторические круги, называемые «цивилизациями», неравновесны. Докладчик упомянул такие «культурные особенности» некоторых цивилизаций, как человеческие жертвоприношения. Полагаю, нам было бы сложно вести диалог с подобными «цивилизациями» как равноправными партнерами, обсуждая равную ценность различных культурных традиций. Согласитесь, трудно признать в качестве равноправного партнера «цивилизацию», в которой существует, скажем, каннибализм. И даже с близкими, монотеистическими культурами возникают определенные сложности, касающиеся, к примеру, многоженства.

Учитывая тезис доклада о «невоенном взаимодействии», обращаю внимание коллег на один любопытный тезис, относительно недавно всплывший и активно обсуждавшийся в российском политологическом сообществе: *«между демократическими обществами не ведутся войны»*.

Но, пожалуй, наиболее интригующая составляющая проблемы — продвижение мира к «постцивилизационной ситуации», к новой формуле его организации, которая, с одной стороны, декларирует создание глобального правительства

(т. е. завершение логики *Universum Christianum*, «всемирной монархии» Данте, халифата и т. д.), а с другой — к полифоничной ситуации, возможно, переворачивающей страницу городской культуры как основной среды обитания.

Мы выходим к новой формуле социальной организации мира — от мира государств к миру, в котором сосуществуют другие суверены: сообщества, группы — национальные, расовые, культурные, религиозные и т. д. И от исключительно национального суверенитета (государства) — к ситуации, когда суверенитетом обладают группы населения. Серьезное нарушение прав группы — религиозной, этнической, национальной — теперь является легитимным основанием для нарушения суверенитета государства. Эти изменения в международном праве, косвенно зафиксированные в Уставе ООН и прямо — в Декларации прав человека, стали политической реальностью после Косово и российско-грузинской войны. Именно они послужили правовым основанием нарушения суверенитета Грузии ради защиты суверенитета национального сообщества.

К сожалению, разговор об актуальных изменениях механизмов взаимодействия социокультурных сообществ, стран и регионов не развернулся в полной мере. Слабо, к примеру, прозвучала столь актуальная сегодня тема как мобильность...

В заключение, хотел бы сказать следующее: мы стоим перед исторической перспективой, которая весьма неоднозначна. Новый, разбегающийся и дисперсный мир обретает неведомые ранее средства господства и способы их применения; стремление взаимодействовать подчас уступает стремлению доминировать. И сложная проблема различия культурных ценностей и традиций превращается в обоснование подобных тенденций вплоть до применения силы. Другой серьезной проблемой является новый, системный терроризм, усиливающийся по мере технического и технологического развития цивилизации, расширяя инструментарий боевых

действий, доступный индивидуальным игрокам на этом поле. По всей вероятности, нас ожидает период хаотизации социальной организации, прежде чем будет сформирована устойчивая постцивилизационная среда, основой которой станет сложный человек, объединенный в антропосоциальные сообщества — основной элемент новой социальной географии мира.

Заключительное слово докладчика

Я постараюсь быть кратким после такого обстоятельного обсуждения. Первый момент, на который я хотел отреагировать. Куда бы мы ни приехали, мы видим одну и ту же цивилизацию и у нас есть два варианта: либо мы ее возим с собой, либо движемся по узким коридорам, специально проложенным так, чтобы мы видели то, что следует увидеть. Я как раз полагаю, что потенциал разности существует, и он существенно выше, чем нам кажется, — даже внутри одних и тех же этнических, национальных границ. Цивилизации, на мой взгляд, существуют очагово, локально, и не произошло никакого их смыкания. Когда мы говорим о взаимодействии цивилизаций, нужно учитывать, что между ними порой лежат пустыни, которые необходимо преодолеть. Даже в Европе, во Франции есть «опустыненные», брошенные города. И этот процесс будет еще продолжаться.

Второй момент. Не могу не отреагировать на позицию о ресурсах. Да, действительно, все, что мы знаем о компонентах имеющихся технологий, есть готовность к другому типу производства и потребления, не основанному на понятии ресурсов. Условно говоря, это создание нужного не методом его материального агрегирования с последующей переработкой, а создание нужного в некоторой данности и структуре. В этом заключается непонятная до сих пор многим нанотехнологическая идея — построение нужной структуры в нужном материале, а не путем отсечения чего-то от чего-то. За этим стоит другая методология производства вещей, где нет понятия «ресурсы». Ресурсом здесь может служить все, из чего можно строить. Ограничением этого подхода являются социальные и культурные факторы, а не технологические, которые составляют сегодня цивилизационную конкуренцию.

Если говорить о прошлом, то можно четко сказать, что математика и основанная на ней ядерная физика, космос и

криптография предшествовали цивилизационной конкуренции. Для меня здесь очень простой счет: те группы, которые имеют эти три компонента, оказались на данном этапе в своем пуле. Трагедия заключается в том, что начинается новый этап цивилизационной конкуренции, где будут совершенно другие ставки, в частности, возвращаясь к линии с ресурсами, которая показывает возможность ведения такой деятельности, когда ресурсы производятся. Сегодня существуют здания, к которым не подводится ни один ресурс — ни вода, ни свет; это здание само вырабатывает все эти ресурсы, т. е. производит их, а не потребляет. Это совершенно другая идеология организации жизни. Подобные технологии существуют, такая организация улучшает мир, а не вычерпывает его. Это новая точка соревнования.

И третий момент. Я согласен с тем, что сегодня элементом обмена становится индивид. Действительно, он становится получателем, минуя множество фильтров, целого ряда посланий. Плохо работает цензура и другие фильтры, которые ранее существовали; но при этом важным является факт, что последние войны велись уже не за ресурсы, а за потребителя. Есть термин, который я предлагаю, — «принуждение к потреблению». Это началось еще со времен Великой депрессии. Сегодня большинство сложных вещей, включая знания, нельзя потребить индивидуально. Системы реального использования всегда коллективны — я на это хотел обратить особое внимание.

Здесь есть трагическая граница между индивидуализмом и коллективностью. Она будет разыгрываться в ближайшее время.

**Тематическая программа научного семинара
«Россия в историческом и мировом пространстве»
на 2009 год**

1. Геоэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме.
2. Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи.
3. Существует ли оригинальная русская цивилизация в пространстве между Востоком и Западом?
4. Модель симфонического мира и роль России в его становлении.
5. Будущие угрозы человечеству и России.
6. Социогенетические и политэкономические корни России как общества, страны, государства.
7. Механизмы взаимодействия цивилизаций: прошлое, настоящее, будущее.
8. Болезни России: актуальный диагноз и комплексный прогноз.
9. Критерии успешности страны, цивилизации, человечества.
10. Национальная идея России и ее проект миру.

**Список участников семинара
«Россия в историческом и мировом пространстве»**

- Агеев Александр Иванович** — доктор экономических наук, профессор, генеральный директор Института экономических стратегий РАН
- Афанасьев Георгий Эдгардович** — руководитель Экспертного клуба промышленности и энергетики
- Багдасарян Вардан Эрнестович** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса
- Балановская Елена Владимировна** — доктор биологических наук, руководитель лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра РАМН
- Бузгалин Александр Владимирович** — доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, координатор ООД «Альтернатива»
- Дугин Александр Гельевич** — доктор политических наук, профессор, руководитель Центра консервативных исследований МГУ им. М.В. Ломоносова
- Кара-Мурза Сергей Георгиевич** — доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН
- Кара-Мурза Алексей Алексеевич** — доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной и политической философии Института философии РАН
- Лексин Владимир Николаевич** — доктор экономических наук, руководитель научного направления Института системного анализа РАН
- Малинецкий Георгий Геннадьевич** — доктор физико-математических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН

- Межуев Борис Вадимович** — кандидат философских наук, заместитель главного редактора «Русского журнала»
- Межуев Вадим Михайлович** — доктор философских наук, Институт философии РАН
- Нарочницкая Наталия Алексеевна** — доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы
- Неклесса Александр Иванович** — председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН
- Окара Андрей Николаевич** — кандидат юридических наук, директор Центра восточноевропейских исследований
- Пивоваров Юрий Сергеевич** — академик РАН, директор Института научной информации по общественным наукам РАН
- Пономарева Елена Георгиевна** — кандидат политических наук, доцент МГИМО (У) РФ
- Рогов Сергей Михайлович** — член-корреспондент РАН, директор Института США и Канады
- Соловьев Александр Иванович** — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой МГУ им. М.В. Ломоносова
- Сулакшин Степан Степанович** — доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования
- Фурсов Андрей Ильич** — кандидат исторических наук, директор Института русских исследований Московского гуманитарного университета
- Ципко Александр Сергеевич** — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН
- Чернавский Дмитрий Сергеевич** — доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН
- Шубин Александр Владленович** — доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН

Приглашаем к сотрудничеству!

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования — современная динамично развивающаяся научно-экспертная и проектная организация. В Центре накоплен существенный практический опыт, кадровый потенциал и осуществляются не только фундаментальные разработки. Специалисты Центра успешно организуют и проводят научно-прикладные исследования и оказывают консалтинговые услуги в следующих сферах:

1. Разработка проектов нормативных правовых актов, в том числе концептуального, доктринального и программного характера, федерального, регионального и местного уровня.
2. Актуальное и проблемное информационно-аналитическое обеспечение деятельности руководства органов государственной власти, коммерческих организаций.
3. Управление и правовое консультирование по вопросам технического регулирования, разработка нормативных правовых и локальных актов в сфере технического регулирования.
4. Управление и правовое консультирование по вопросам интеллектуальной собственности, разработка нормативных правовых и локальных актов в сфере охраны интеллектуальной собственности.
5. Прикладные научные исследования в сфере экономики, права, управления.

Работы выполняются на основе собственных оригинальных методологий, пользуются спросом более чем в 20 странах мира.

Научный руководитель Центра — доктор политических наук В.И. Якунин.

Возглавляет Центр доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор С.С. Сулакшин.

Центр заинтересован в творческих заказах, приглашает к сотрудничеству и партнерству.

Наш адрес:

107078, Москва, ул. Каланчевская, д. 15 (подъезд 1, этаж 5).

Тел./факс: (495) 981-57-03, 981-57-03, 981-57-09,

www.rusrand.ru; e-mail: info@rusrand.ru, frpc@cea.ru

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН продолжает работу по развитию интернет-экспертного сообщества России. Аналогом является известное экспертное сообщество ЦРУ США, возможностями которого широко пользуются официальные структуры американского государства.

Речь идет о сетевом интеллекте как о современном инструменте научного процесса.

Экспертное сообщество решает конкретные задачи: проводит анализ и дает прогноз развития социально-экономической и политической ситуаций в стране, участвует в инициативных проектах по актуальным и проблемным сторонам российской действительности (демографии, госуправления, экономики и т. п.).

На сегодняшний день в экспертное сообщество входят более 300 экспертов — представителей свыше 60 городов России, а также четырех стран постсоветского пространства и двух стран дальнего зарубежья; более 26% сообщества составляют доктора наук, 50% — кандидаты наук.

Наиболее важные научные продукты сообщества (например, экспертный доклад «Финансово-экономический кризис (истоки, развитие, прогноз)», <http://www.rusrand.ru/text/Otchet_FEK.pdf>) доводятся до руководства страны и фактически дают возможность передачи ему мнения независимых от политических и субординационных обстоятельств научных кругов. Единственный критерий передаваемых материалов — их научная достоверность. Это, на самом деле, пусть не очень большая, но реальная возможность гражданской самореализации для многих российских ученых, особенно из различных регионов страны.

Формирование единого экспертного сообщества является шагом к созданию реально функционирующей фабрики мысли, концентрирующей национальный интеллект и соединяющей его с действующей властью.

Желающих принять участие в работе экспертного сообщества приглашаем зарегистрироваться в качестве эксперта на сайте: **www.rusrand.ru**.

Сообщество строится по принципу «снежного кома». Вы можете порекомендовать в качестве экспертов известных Вам профессионалов в различных областях знаний.

Любые вопросы можно уточнить по e-mail: **expert@rusrand.ru**.

Научное издание

**Механизмы взаимодействия
цивилизаций:
прошлое, настоящее, будущее**

Материалы научного семинара
«Россия в историческом и мировом пространстве»

Выпуск № 7

*Редактор Ю.Е. Мешков
Ответственный за выпуск О.А. Середкина
Художественное оформление С.Г. Абелина
Компьютерная верстка О.П. Максимовой*

*Наш адрес:
107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03,
981-57-04, 981-57-09
E-mail: frpc@cea.ru, info@rusrand.ru
www.rusrand.ru*

Сдано в набор 11.12.2009 г.
Подписано в печать 14.12.2009 г.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Отпечатано в ООО «Типография Парадиз»
Усл. печ. л. 5. Тираж 500 экз. Заказ №